

LITERARY YANDERE

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ
ЧЕРНАЯ РОЗА

18+

Literary Yandere

Восхитительная черная роза

«Автор»

2015

Literary Yandere

Восхитительная черная роза / Literary Yandere — «Автор», 2015

Ее магия поразительна... и подозрительна. Но Грейсон не из тех, кто боится. Он готов получить от этой экзорцистки все, что она способна ему дать, и не важно, чего это будет стоить им обоим.

© Literary Yandere, 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Literary Yandere

Восхитительная черная роза

В тексте содержатся отсылки к кельтской мифологии, а также произведениям У. Блейка. Все совпадения с реальными личностями и событиями случайны и ненамеренны. Автор может не разделять точку зрения персонажей.

В оформлении обложки были использованы материалы с сайта <https://pixabay.com> по лицензии ССО.

*So I took the road less travelled by
And I barely made it out alive
Through the darkness somehow I survived
Tough love, I knew it from the start
Deep down in the depth of my rebel heart, of my rebel heart...
Madonna – «Rebel Heart»*

*Так что я выбрала нехоженую дорогу
И едва прошла ее живой,
Как-то выжила во тьме
Суровой любви, я изначально знала это
Глубоко на дне моего мятежного сердца, моего мятежного сердца...
Мадонна – «Мятежное сердце»*

Глава 1

«Будь осторожен. Люди в масках опасны.»

К/ф «Принцесса невеста»

Когда Мидж была совсем маленькой, она полагала, что Межевые Земли называются так оттого, что очерчивают границы между государствами, не являясь собственностью ни одного королевства. Но сейчас она понимала, что название скорее возникло потому, что степные травы сменялись песками пустыни резко, точно отрезанные портняжными ножницами великана, а за ними мог оказаться лес, дикий сад или снова степь, все так же словно отгороженный невидимой стеной. Все дело в магии, теперь она знала: незримые пути волшебства проходят и под землей, и над нею, теряясь так высоко в небесах, что до края их могут долететь разве что цунцу.

Она не была цунцу, во всяком случае, не больше, чем на четверть: так что крыльев у нее, в отличие от матери и бабки, не имелось с рождения.

А будь они у нее, многое вышло бы проще. По крайней мере, ей не пришлось бы пять лет таскаться по Межевым землям, отвлекаясь то на одно, то на другое, в бесплодной попытке прочесать их все...

Время от времени на пути странницы попадались поселения, где она могла обменять свои таланты на еду, кров или хотя бы золото. Несмотря на то, что деньги мало значат для тебя, если ты застрянешь в чистом поле между городами. Можно разве что сунуть монетку под язык, чтобы не так отчаянно хотелось пить.

Названия поселения, в ворота которого протряхала ее лошадка, Мидж так и не узнала. Табличка, на которой много лет назад было написано, судя по всему, «Добро пожаловать в город такой-то!», была наполовину неровно обломана. Уцелели только окончания слов: «-ловать» и «-нхо». Впрочем, как бы местечко ни называлось, Мидж не проехала бы мимо.

Погода стояла куда холоднее, чем Мидж привыкла на родине, так что скидывать капюшон на плечи, а уж тем более снимать плащ она и не думала. Путешественница спешила и, ведя коня под уздцы, побрела по улице, осматриваясь. Выискивая признаки, что ее дар здесь давно нужен.

Нет, обычный город, не к чему придраться. Грязные детишки и собаки, играющие на дороге, спешащие по своим делам важные матроны, мужчины с мрачными сосредоточенными лицами... После множества деревенок, повстречавшихся на пути странницы, с их трудолюбивыми жителями, горожане казались Мидж бледными, отчасти даже холёными. По крайней мере, никто не выбросил ей под ноги только что выпавший зуб, как однажды случилось.

– Сомневаюсь, чтобы тут можно было заработать с помощью моей основной профессии, – негромко пробормотала странница. За долгое время пути, имея возможность обращаться разве что к лошади, Мидж привыкла думать вслух. – Впрочем, кто знает.

Сейчас ее путь лежал в ближайший трактир. До боли в желудке хотелось поесть, выпить и – уже потом – послушать сплетни. Возможно, кому-то и впрямь требовалась помощь Мидж. Никогда нельзя сказать точно, есть в городе одержимые или нет.

В таверне было шумно – даже слишком – для середины буднего дня. Мидж предположила, что большинство мужчин в этом зале, где пыль в воздухе мешалась с дымом трубок, в той или иной мере её собратья: искатели приключений, наёмники, бродяги. Но работы, как видно, для них не было никакой: какая-то часть уныло цедила пиво, рассевшись по углам, в центре собрались в кружок игроки в карты.

Путница сунула два медяка в руку оборванному мальчишке, бойко подскочившему к ней с предложением поухаживать за лошастью.

– Накорми, помой, – негромко уточнила Мидж. А сама двинулась к стойке, за которой моложавый трактирщик тер тряпкой кружку...

Но на полпути замерла, точно межа, отделяющая степь от пустыни, выросла перед нею: картёжники, до того разговаривавшие ровными голосами, начали орать, стараясь перекрыть один другого. И Мидж обернулась на голоса.

– Нет уж, я так этого не оставлю! Или ты мне все выплатишь, Тигр, или я спущу твою серую шкуру!

Мидж остановилась понаблюдать в нескольких шагах от стола. Мужчина в засаленной рубахе тряс кулаком и вопил так громко, что покраснел, будто только что вывалился из бани. Он мог бы показаться серьёзной угрозой, если б его противник не был...

О, святое Древо!

Тот, кого называли Тигром, встал из-за стола: гора, без преувеличений, настоящая гора! Мышцы на руках напряглись, и Мидж расслышала, как в секундной тишине затрещали нитки рубахи. Полукровка, с первого взгляда определила она. Это может закончиться плохо для очень многих окружающих... Нельзя дать им затеять драку!

– Эй, благородные господа! – звонко выкрикнула она, приближаясь. И когда картёжники сосредоточили своё внимание на ней, а не на Тигре, Мидж подскочила ровно к самому столу и ударила кулаком ровно в середину. Брызнули щепки, в столешнице оказалась сквозная дыра. Мужчины – обыкновенные люди, без сомнения, все, кроме Тигра, заохали и разбежались в мгновение ока.

Мда, теперь в городе задерживаться не следовало: пойдут толки. Впрочем, Мидж и не видела причин оставаться дольше, чем до завтрашнего утра: скучный, серый городок, отдаленно похожий на тот, в котором она провела детство. Работы для нее здесь не будет, если только ей не вздумается наняться таскать мешки с щебнем. В некоторых местах просто никогда ничего не случается, и за этим не кроется никакого секрета. Такие городишки просто рождаются сами собой вокруг оазиса, как мухи, и так же безынтересно существуют.

Мидж сняла изодравшуюся перчатку с той руки, которой пробила стол: да, теперь можно выкинуть.

И в тот же миг у её головы просвистело лезвие меча, сорвало капюшон... Мидж дернулась, отскочив на несколько шагов. На неё наставлял оружие Тигр.

– Хм! – Мужчина явно казался озадаченным, рассматривая рассыпавшиеся по плечам длинные рыжие волосы незнакомки и чёрную «птичью» маску, скрывающую всё её лицо, кроме губ и подбородка. – Девушка! А я думал, ты просто пацан-недоросток. Теперь всё становится на свои места. Ты – экзорцистка. Кто же ещё будет влезать в дела других людей, мешая им? А ещё ты цунцу.

– Только на четверть. – Мидж сняла маску. – Но и в тебе течет чужая кровь.

Тигр ослабился. Зубы у него оказались крупные и белые, такие бывают у знати, но не у разбойников. Кто же он? Бастард-но-любимчик папаша? – Кого другого я бы побил за то, что не дал разобраться мне по-своему, но даму не трону. Тем более, экзорцистку. Позвольте представиться, леди. – Мужчина издевательски раскланялся. – Грейсон Серый Песчаный Тигр, гроза половины белого света... В всяком случае, той его половины, что я объехал.

Мидж усмехнулась.

– Я могу сказать о себе то же – я объездила полсвета. Но о тебе доселе даже не слышала.

– Что ж, видимо, вдвоем мы как раз объехали весь мир.

Он протянул руку ей для пожатия, однако Мидж сделала вид, что не заметила этого. Улыбнулась и пошла к стойке.

– Идём, куплю тебе выпить, Тигр, да заплачу за испорченный стол.

Он уже немного начал ей нравиться, но дать сжать свою ладонь полуинорму – верх глупости при любом раскладе.

Глава 2

Надо жить наобум, напролом,
наугад и наощупь во мгле,
ибо нынче сидим за столом,
а назавтра лежим на столе.
Игорь Губерман

Грейсон с удовольствием смотрел, как Мидж жадно поглощает жаркое: она с фырканьем дышала от удовольствия, как щенок, не стесняясь с чмоканьем облизывать пальцы и обглаживать кости. О, она очень давно не ела свежего мяса!

– Так ты плоть от плоти цунцу? В первое мгновение я бы поставил на что угодно, что ты, как и я, полулином, хотя и бледновата для нашего рода. – Ухмыльнулся Грейсон. Мидж ответила не сразу. Только отставив опустевшую миску, которую она даже облизнула по краю, сказала:

– Я воспитывалась в семье людей.
– Этого я бы тоже не сказал.

Они оба хохотнули. Мидж притянула к себе второе блюдо – кашу с яблочным пюре, и по нос погрузилась в мисочку. Грейсон решил подождать с вопросами, пока девушка не насытится. Он откинулся на спинку стула (дерево жалобно заскрипело под его немалым весом), рассматривая новую знакомую. Ничего так, хотя не красавица – во всяком случае, по меркам линомов. Плащ Мидж сняла, короткий топ открывал плоский живот и туго обтягивал грудь, крепко подпоясанные штаны болтались мешком на бёдрах... Грейсон подозревал, что девушке в пути пришлось несладко, и тут он угадал. За всё время дороги она потеряла больше двадцати фунтов веса. Мидж давно не мылась и подозревала, что от неё дурно пахнет, но ей было – временно – плевать на это. Очаровывать собеседника она не собиралась, особенно сейчас, когда ей хотелось только поесть как следует, поспать не в седле, и, может быть, уже после этого помыться. Удивительно, но в прошлой жизни, до путешествия, она воображала, что ванна будет для нее важнее сна и еды. Ошибалась...

Грейсон же, при том, находил её запах отнюдь не отталкивающим. Впрочем, у линомов понятия о привлекательном испокон века расходились с человеческими. И полукровки всегда считались ближе к своим рептилоподобным родичам, чем к людям, хотя на вид каждый легко сошел бы за обычного смуглого человека. По крайней мере, в сумерках, когда не так заметен антрацитовый отлив их кожи. Слишком холодный оттенок для простого человеческого загара.

– Надолго в городе, крошка?

– Думаю, на эту ночь, не дольше, – Мидж осеклась, прикидывая, не прозвучало ли это сейчас как приглашение. В конце концов, линомы славятся своим сластолюбием, а по Песчаному Тигру было видно, что линомовой крови в нём больше, чем человеческой. – Кажется, я нажила тут врагов, когда спасала эту таверну от разрушения... тобой.

Грейсон расхохотался, хлопнул себя по колену, обтянутому кожаными штанами.

– А я-то думал, чего ты влезла! Экзорцист служит людям, как может, и не только своими способностями, так ведь?

Мидж не ответила, вылизывая вторую посудинку подряд. После её ждала ещё добрая кружка молока с пряностями, но его, кажется, оставалось разве что предложить Грейсону: в Мидж не влезло бы и глотка.

– Просто поговорить не пробовала? – Грейсон прищурился, сам понимая, какое это нелепое предложение: грубияны вроде его недавних собутыльников не стали бы слушать женщину, да еще и чужачку, так что Мидж в любом случае пришлось бы показать силу. – Впрочем, тебе

нет нужды уносить ноги. Рядом со мной тебя не тронут, да ты, кажется, и сама не промах... Но про работу тебе тут не скажут, это да. Вот только я знаю, что дело для тебя здесь есть.

Мидж откинулась на спинку стула, с подозрением глядя на нового знакомца.

– И чем же объяснить твою благожелательность?

Грейсон ухмыльнулся.

– Все просто. Я лично хочу тебя нанять. Только... сперва ты должна будешь продемонстрировать своё мастерство на ком-нибудь другом.

Мидж вскинула брови, пытаясь понять, в чем подвох.

– Я должен быть уверен, что ты – хороший экзорцист, цунцу.

– Что ж, неожиданно, но я понимаю. – Мидж наклонилась над столом, заговорила лукаво сощурившись. – Тогда и я нанимаю тебя, Серый Песчаный Тигр. Защищай меня – хрупкую, нежную девушку, а я отплачу тебе своими навыками. Можешь отвести меня к больному завтра же утром.

– По рукам, крошка.

Он произнес это – четко и ясно, но они снова не пожалели друг другу рук.

Мидж сняла комнату наверху в той же таверне. Грейсон спал на сеновале, так что на ночь они расстались. Хотя Мидж боялась, что будет спать тревожно, часто просыпаться, её одолел крепчайший сон без сновидений, продлившийся до самого рассвета.

С утра она приказала служанке согреть ванну и как следует помылась. Если бы Мидж была заурядной экзорцисткой, как многие странствующие полукровки, отцом или матерью которых были цунцу, или, тем более, полностью человеком, омовение было бы для неё необходимой частью ритуала. Но Мидж не нуждалась в церемониях. Она просто хотела перестать вонять.

Очистившись от дорожной пыли и пота, она достала из сумки свежие панталоны и чистую рубашку, болтавшуюся на ней теперь мешком. Штаны пришлось оставить старые – грязные, засаленные.

Когда девушка спустилась в конюшню, на стог сена в углу, возле стойл, она обнаружила спящего Грейсона. Или, может быть, всего лишь дремлющего – как только она приблизилась, мужчина тотчас открыл глаза (двойное веко линорма двинулось, как у варана, расползаясь в разные стороны) и усмехнулся:

– Не терпится показать свои умения, крошка?

– Я искала своего коня, а не тебя, – фыркнула Мидж. И тут же прикусила язык: будь с ним понежнее, напонила она себе, ты в нем нуждаешься.

Впрочем, казалось, она нужна ему не меньше.

– Твой конь вымотан, я бы посоветовал тебе сменить лошадку. – Грейсон сел, опершись локтями на колени. – Если ты собираешься продолжать свой путь.

Мидж покачала головой, скорее для того, чтобы ощутить прикосновение чистых волос к щекам от этого движения, чем для того, чтобы выразить недоумение. Да Грейсон все равно не смотрел на неё, уставясь в слепящий предполуденный свет, отрезанный дверным проемом в прямоугольник, как ломоть пирога.

– Ты ведь еще не проверил, насколько я хороша в своем деле.

– И то верно. – Серый Тигр поднялся одним плавным движением, не опираясь и не отталкиваясь, и подошел к Мидж. Навис над ней всей массой своего могучего тела, испытующе взглянул в глаза... – Так насколько же ты хороша?

– Это единственное дело, что мне удаётся... – девушке непросто было выдерживать давящую ауру мощи Грейсона. – Но в нём я лучше всех.

– Проверим.

И они отправились к дому одержимого.

Как оказалось, одержимым был маленький мальчик. Его мать хранила это в секрете, боясь, что суеверные жители городка просто избавятся от её крохи, однако кто-то из слуг дома проболтался, и поползли слухи. Пока никто не занялся ребенком, да он и не выходил из дома, но кто знает, что бы случилось в будущем? В лучшем случае, мальчика следовало отослать в ближайший монастырь (а «ближайший», возможно, находился в месяцах пути от городка), но кто станет заниматься этим в провинции с её суровыми законами, если убить проще и надежней? Вот поэтому экзорцисты, как состоящие в ордене, так и «вольные» (как правило, полукровки-цунцу, легче людей наследующие дар духовной магии), путешествуют от селения к селению, спасая невинные души, и так зарабатывая себе на кусок хлеба. Конечно, всех не спасти, но учитывая, что одержимых становится всё больше, даже небольшая помощь принималась с радостью.

Грейсон и Мидж постучали в дверь молоточком на изящной цепочке («Хороши хоромы, – прокомментировал мужчина, – много можно стрясти с хозяйки!»), и им вскоре открыла заплаканная женщина. Судя по всему, как только начались сплетни, местная аристократка, мать одержимого ребенка, рассчитала слуг. Несмотря на её убитый вид, Мидж не намеревалась с ней церемониться, а Грейсон – тем более.

– К делу, сударыня. Покажите мне, где пациент.

Женщина опешила, замерла на несколько секунд, затем на её лице промелькнуло сперва выражение неземной радости и облегчения, затем брови сошлись в недоверчивую галочку.

– Я не знаю вас, господа! Как я могу допустить вас...

– С дороги, мамаша, – рявкнул Грейсон, одним пальцем отодвигая женщину с пути, – грамот от церкви у нас нет, но если дорожите сыночком, то хотя бы не мешайте.

Аристократка что-то лепетала за спинами незваных гостей, но те не обращали на неё внимания. Когда Мидж и Грейсон вошли в просторный холл, они увидели мальчугана лет десяти, наблюдавшего за ними, перегнувшись через перила лестницы.

– Иди сюда, не бойся. – Поманила его Мидж. Затем шикнула через плечо. – Грейсон, ты его пугаешь!

– Я? С чего бы это?

Девушка вздохнула. Песчаный Тигр, кажется, нечасто смотрелся в зеркало: двухметровый мускулистый воин с улыбкой неуправляемого хищника и шрамом в виде буквы Y под глазом? Ну конечно, по нему сразу можно понять, что он – лучший друг детей и пушистых зверюшек.

– Между прочим, ты, вроде бы, наняла меня в качестве телохранителя. А значит, я слежу, чтобы твоя задница не попала в неприятности.

Мидж хотела было ответить, что, кажется, она уже оказалась по уши в неприятностях – когда связалась с ним, Грейсоном, но тут мальчик привлек их внимание. Он всё ещё стоял наверху лестницы, однако его глаза уже потеряли осмысленное выражение, малыш затрясся и начал синеть.

– О, святое древо! – охнул Грейсон. – Да из него же сейчас полезут демоны!

– Нет. – Мидж щелкнула пальцами. – Только один, не больше. Проще пареной репы.

Она махнула рукой в сторону мальчика, и с кончиков её пальцев сорвалось облачко изумрудного цвета, подлетело к одержимому ребёнку и на секунду окутало его с ног до головы, а потом стекло на пол, как вода. И всё это – за несколько секунд, раньше, чем демон смог разорвать тело-сосуд и явиться во плоти.

– Ну, вот и всё. – Мидж отряхнула ладони, как будто проделала большую работу. – мы успели вовремя, однако ж! Как говорится, объект как раз созрел!

Грейсон недоумевающе тарасился на мальчика, осоловело шарящего вокруг взглядом.

– И... и что, это всё?

– Да. Он чист. Хочешь пригласить жреца, чтобы тот засвидетельствовал? Тогда желаю удачи в его поисках, вокруг на много лиг – ни одного монастыря или святилища.

Грейсон в замешательстве потер наморщенный от изумления лоб.

– Но ты же должна была сперва принять, как это? Омовение, надеть ритуальные одежды, начертить круг, сжечь ритуальные травы...

Мидж фыркнула, сложила руки на груди.

– А ты неплохо осведомлён о том, как проходит ритуал... А я-то, было, думала, ты пошёл со мной, потому что поверил слухам, что экзорцист должен быть обнажённым во время процесса изгнания.

– Хм, даже если и так, если бы я и поверил, пошёл бы не по этому – не льсти себе!

Пока Грейсон и Мидж обменивались колкостями у подножия лестницы, прибежавшая от дверей счастливая мать обнимала выздоровевшего сына.

– Я... я не знаю, что и думать, господи! – пролепетала наконец она, когда справилась со слезами счастья, – мой мальчик теперь в порядке! Но я думала, вы пришли ограбить нас...

– Так и есть. – Подмигнул Грейсон. – бьюсь об заклад, когда я сообщу, какую плату мы хотим за экзорцизм, Вы скажете, что это чистый грабеж.

Мидж поторопилась состроить гримаску и буркнуть, тыча пальцем себе за плечо, на напарника:

– Он шутит.

– Эй. – Грейсон нагнулся к плечу спутницы. – Ты же не хочешь сказать, что мы сделали это бесплатно?

– Разумеется, нет, – шепотом отозвалась Мидж. – Но не станем же мы обирать бедную женщину.

– Бедную?! Да у тебя, ручаюсь, платья всегда были из ткани похуже, чем занавески тут! Готов дать голову на отсечение, мы в доме любовницы мэра города... Или, что вероятнее, мэра соседнего города. Подумай, будь она просто купеческой женошкой, её сына прирезали бы при одном подозрении. А тут слухи бурлили уже не одну неделю.

Мидж тряхнула головой, упёрлась рукой в грудь Грейсона (хотела бы оттолкнуть, но попробуй сдвинь с дороги эдакую гору!):

– Мне все это неинтересно. Я сделала свою работу. Пойду проветрю голову. Буду ждать тебя на крыльце.

Грейсон сам подался в сторону, позволяя напарнице пройти.

– Хорошо. А я пока договарюсь о плате за услуги.

Мидж вышла на крыльцо, несколько раз глубоко вдохнула. Она не хотела показывать этого Грейсону, но ей даже после такого крошечного напряжения стало дурно – всего один демон, а она уже расклеилась. Раньше было не так. Это всё долгое путешествие без достаточного количества пищи и воды. Девушка покачала головой и направилась к своему коню, привязанному у забора.

– Пора нам немного передохнуть, Ясень, как думаешь? – Она похлопала благородное животное по шее. – Поднабраться сил. Этот город нам подойдёт, верно?

О, она, конечно, заметила, как шевельнулась за её спиной тень. Слышала даже шорох травы под подошвами сапог. Но отпрыгнуть в сторону не успела: лезвие ножа прижалось к коже на шее, сразу – до боли, хоть и не пуская кровь.

– Вот уж в чём я сомневаюсь, подружка, так это в том, что ты тут поднаберёшься сил, – кто-то жарко зашептал на ухо Мидж, и она ощутила гадкий запах чеснока изо рта пленителя. – А вот отдохнуть – пожалуйста! Под забором с перерезанной глоткой или порванной...

– А ну брысь от неё!

Грейсон гаркнул так, что у Мидж, находившейся в нескольких метрах от крыльца, заложило уши. Такой рёв мог бы напугать кого угодно... Но, кажется, не лихачей, вздумавших грабить экзорцистку: кроме любителя чеснока, щекотавшего ее шею сталью, Мидж заметила еще двух бандитов в паре шагов от себя. Смутно знакомые лица... Точно! Картёжники из таверны!

– Она, кажется, тебе дорога, Тигр? – Лезвие скользнуло по коже, чуть надрезая её, и Мидж пискнула. – Тогда заплати наш долг. Как тебе кажется, тридцать золотых, что ты нам задолжал – подходящая цена за жизнь твоей шлюхи?

Грейсон ухмыльнулся – оскал зверя, расплзающийся по человеческому лицу, – и подкинул на ладони увесистый мешочек, выразительно звякнувший в тишине ленивого полудня.

– Тут на десять золотых больше, уроды. Отпустите девушку.

– Из рук в руки, Тигр.

Грейсон безразлично пожал плечами. «Как хотите!» – сказали его глаза. И он бросил мешочек – так, что тот попал прямо в голову державшему Мидж негодяю. Булькнув кровью от выбитых зубов, тот повалился на землю. Упала и совсем обессиленная Мидж. Серый Тигр в секунду оказался рядом с ней, приподнял голову, похлопал по бледным щекам.

– Я в порядке, – пролепетала она. Но Грейсон увидел кровь на её шее – и всё прочее на миг перестало для него существовать. Мидж заметила, как сверкнули его чёрные глаза кипящей ненавистью... за секунду до того, как она потеряла сознание.

Глава 3

Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.
Иннокентий Анненский

Только что лицо Грейсона было перед ней, и вот – нет, впереди дорога, а Песчаный Тигр ощущается только в виде груди, к которой можно прижаться, поддерживающей руки, не позволяющей свалиться со спины коня, и терпкого запаха. Мидж потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что она потеряла сознание. Это было не очень похоже на обмороки, которые случались с ней прежде, когда отключаешься от удара по голове. На этот раз всё сперва закружилось перед глазами, поплыло, и уж только после погасло – не разом, в отличие от прошлого опыта, не как будто задувают свечу. В ушах стоял, шум, точно кто-то пересыпал крупу из руки в руку.

«Надо начать уже, наконец, есть! Это ведь от потери сил, не от страха случилось!»

Мысль о еде пробудила желудок, и он дал о себе знать характерной судорогой. Мидж задрала голову, чтобы посмотреть в лицо поддерживающему её Грейсону. Он заметил, что девушка пришла в себя, и улыбнулся, но – вперёд, дороге. Не сразу повернул лицо к напарнице.

– Ты в порядке?

– В полном. Это от истощения. Начну как следует питаться, и пройдёт.

– Ну-ну, – Грейсон фыркнул. – Может, и сиськи заодно вернутся. Или у тебя там всегда было пусто, как у курицы?

– Спасибо за спасение, хотела тебе сказать... Но сейчас заткнись. – Мидж насупилась. Конечно, у неё в прошлом были ухажёры с глупыми шуточками, которые считали, что девушке должна быть непременно свойственна самоирония, но Серый Тигр совершенно явно не относился к такому типу парней. Он говорил то, что думал, что же касемо спасения – они заключили договор, пусть и на словах, но Грейсон, кажется, отнёсся к его выполнению серьёзно. И это устраивало Мидж гораздо больше, чем подозрение, что он мог бы заступиться за неё из романтических соображений.

– Деньги я, кстати, подобрал. В двух днях пути отсюда есть город, я покинул его две недели назад, так что это верное дело. Мы приедем в него совершенно обессиленные, но уже там можно будет поесть от пуза и напиться в стельку.

Мидж отрешённо кивнула. Она подумала о другом.

– Те люди... которые напали на меня... ты убил их?

Грейсон не ответил и больше не взглянул на Мидж. Они проехали в молчании ещё несколько часов, пока мужчина не остановил коня.

– Животное устало, а я отбил задницу, – деловитым тоном пробурчал Тигр, снимая девушку с седла. – У меня есть немного воды в фляге, сегодня как-нибудь протянем.

Мидж покрутила заостреннейшей от однообразной неудобной позы спиной, размяла руки, потопала ногами.

– Мы можем заночевать тут. Посмотри в седельной сумке, там должно было остаться немного вяленого мяса. И у меня есть одеяло.

Грейсон недоуменно поднял сперва одну бровь, затем – обе. Мидж благодарно улыбнулась ему, снова вспомнив, что он спас её от смерти... Хотя и косвенно явился причиной, по которой она вообще подверглась такому риску.

– Будем держать вахту по очереди. Теперь, с тобой, мне будет гораздо спокойнее засыпать.

Они развели костёр, вскипятили воду, напились горячего травяного чая. В прежней жизни, подумала Мидж, между ней и мужчиной, будь он хоть сколь угодно некрасив, после опасной ситуации, закончившейся её спасением, она бы почувствовала к нему расположение. Но теперь, как ни странно, мысль о том, что её спутник, вероятней всего, убил тех картёжников, напротив, даже стёрла изрядную часть той симпатии, что девушка почувствовала к Серому Тигру в первую минуту их знакомства. Но как телохранитель он до поры до времени вполне годился – пока она нужна ему, он её не тронет. А как только они выполнят условия сделки до конца, Мидж даст дёру со всей возможной скоростью. С благословения Высшей Айне, тогда у неё, быть может, достанет сил действительно сделать это быстро.

– Кто первым будет в дозоре? Неплохо бы отгонять койотов, я много навидалась за время путешествия... – отрешённо произнесла девушка, не до конца вынырнув из холодных напряжённых мыслей.

Грейсон молчал, глядя в огонь. Мидж запнулась на полуслове, поняв, что он её, судя по всему, даже не слышит, хлопнула себя руками по коленям сложенных «калачиком» ног. И тут мужчина оторвал взгляд от костра и буквально пронзил спутницу блеском зрачков.

– Скажи мне вот что... Почему ты носишь эту маску? Ведь не только потому, что ты экзорцист?

Мидж опустила руку на пояс, где покоилась привязанная птичья маска, огладила отполированную поверхность.

– Я же цунцу. Никакой загадки нет.

– Хм. Я не так много знаю о цунцу. В академиях не учился, знаешь ли.

Мидж от неловкости пожала плечами. Озверевший убийца из её размышлений плохо вязался с тем расслабленным здоровяком, шлепающим на голых плечах комаров, что сейчас сидел по другую сторону костра. Девушка заодно отметила, что Грейсон перестал называть её «крошка», как в первый день знакомства. Может быть, пережитая опасность все-таки сблизила их, хоть немного? Может быть, кое-что она могла бы рассказать? Во всяком случае, очень хотелось – Мидж долгие месяцы блуждала одна, не имея возможности поговорить с кем-нибудь по душам.

– Цунцу, как и линормы, создания первой эпохи творения. Говорят, Высшая Айне создала их одновременно со своими детьми, когда населяла крону Святого Древа, хоть все твари земные – дети Её. Как правило, цунцу живут уединенно и скрещиваются между собой, но порой... Ты знаешь. Мужчины-цунцу влетают в окна женщин, соблазняют их, а потом от этих связей рождаются дети. Бедных матерей порицают как блудниц – ровно так же, как если бы отцом ребенка был простой человек. Но ведь цунцу... Им, ты знаешь, не так-то легко воспротивиться.

– Да уж. – Грейсон раздумчиво ухмыльнулся. – Я видел твою силу. И если это только при четверти крови...

– Нет, я имела в виду не это. Цунцу нет смысла принуждать девиц или вдов – они пригожи, каждая женщина сама с радостью раскрывает им объятия. А даже если и нет, некоторые знают, как быстро очаровать даму.

Мидж замолчала, задумавшись о чём-то своем, ее зрачки дрогнули, словно взволнованная камнем гладь пруда. Разговор ненадолго прервался, но Грейсону не хотелось спать, он предпочел бы послушать что-нибудь ещё.

– И это, значит, твоя история? Дед-насилник?

– Нет, – Мидж сказала это медленно, с трудом выплывая из каких-то своих воспоминаний. – У меня в роду бабка-цунцу. Тоже, знаешь ли, типичная история, совершенно не выбивающаяся из общей канвы. Она с сёстрами купалась в озере, и отец украл её кулон. Без него бабушка не могла вернуться – ворота царства для неё просто бы не открылись. И так, обманом, он вынудил её выйти за него замуж. Бабушка до сих пор говорит, что это не так, что она влю-

билась в деда и пошла под венец добровольно, но я неохотно верю. Пытаюсь поставить себя на её место... Знаешь, она до сих пор необыкновенно красива. И выглядит даже моложе моей матери. Но мне от неё ничего не передалось в этом плане.

– Хм, в легендах у цунцу крадут перья, а не кулон.

Мидж покачала головой.

– Нельзя украсть часть того, что является твоей природой. Но закабалить – можно. – Девушка встала. – Всё, больше ни о чём говорить не хочу. Уж прости меня... я пойду спать.

Грейсон достал из рюкзака арбалет, вложил короткий болт и сел спиной к костру и Мидж, наблюдая за тёмным горизонтом. Напарница дала ему пищу для размышлений. Нечасто дамы в первую же ночь, что они проводили вместе, заставляли Тигра о чём-то задуматься: перекатывая мысленно этот каламбур, как мог бы перекатывать меж пальцев гладкий камешек, Грейсон улыбнулся.

Следующий день путникам пришлось провести в сёдлах, без еды и пищи. Но оба уже достаточно долго путешествовали, чтобы без труда смириться с таким положением вещей: мысль о скором отдыхе в городе подстёгивала обоих, и даже уставший Ясень охотно нёс и тяжелого Грейсона, и Мидж, и седельную сумку. Наконец, они прибыли. Грейсон уже бывал в этом городе и почувствовал в груди тепло, будто вернулся домой, только слабее, чем будь оно так взаправду. Мидж бросила на него всего один взгляд, и его ощущения отчасти передались ей: чувство, словно щека прильнула к родной груди.

Под аркой ворот с названием города лежала мёртвая птица. Дурной знак, подумала Мидж. Она обычно не обращала внимания на падаль – подумаешь, необычность! Но трупики птиц, её отдалённых родственников, всегда казались ей недобрый предзнаменованием. Тем более, что порой она месяцами не встречала на дороге передавленных колёсами или окровавленных пернатых тушек, и тогда все действительно долго шло как по маслу.

Девушка въехала в ворота верхом, а Грейсон шёл рядом, ведя Ясеня за узду.

Путники остановились в хорошей гостинице: кровати были почти без клопов, а горничные могли нагревать ванну каждый вечер. Но в первый день прибытия Мидж и Грейсон не пожелали излишеств, они заказали ужин посытнее и накинулись на еду. Добрых полчаса оба просто поглощали пищу, молча, не глядя друг на друга, облизывая пальцы, не стесняясь причмокивать и вылизывать тарелки. Только когда животам стало тесно в одежде, они откинулись на спинки стульев и посмотрели друг на друга поверх гор объедков.

– Надо поделить деньги поровну, – сказала Мидж, не надеясь, что Грейсон согласится. И он действительно не принял её точку зрения.

– Нет, тебе полагается всё, за вычетом того, что я возьму на новые сапоги. И коня.

– Но ты спас мне жизнь. – Мидж сказала это гораздо более спокойно, чем собиралась, будто неискренне. Но на самом деле её просто уже сморило от тёплой пищи. Грейсон и сам, казалось, начал засыпать прямо за столом: он отвёл глаза, прищурился и не ответил девушке. Не сговариваясь, они поднялись наверх, в комнату, шатаясь, будто пьяные, хоть не взяли в рот ни капли спиртного. Хорошая еда расслабила их ещё сильнее, чем это мог бы сделать алкоголь.

Мидж рухнула на кровать, с восхищением зарываясь носом в настоящую подушку, набитую даже не перьями – пухом! Мидж невольно мурлыкнула от удовольствия.

Пружины кровати скрипнули рядом: это лёг Грейсон.

– Деньги твои, пигалица, – сказал он, подложив руку под голову, а вторую подушку толкнув поближе к Мидж. – У нас уговор услуги за услуги, золотыми ты от меня не отделаешься.

Раньше от хорошей пищи Мидж захотелось бы пофлиртовать – сытость её организм словно путал с опьянением, но теперь она просто уснула, едва смежив веки.

Грейсон какое-то время лежал рядом, слушая её ровное дыхание, затем встал и отправился на конюшню – досыпать ночь.

Целую неделю они не выходили из гостиницы, посвятив всё время еде, питью и сну. Мидж ещё и принимала ванну – каждый вечер, пока у неё, наконец, не начались месячные. Это значило, что организм восстанавливается. Это было хорошо. Говорят, за морем, в королевстве Эльзил, где поклоняются Высшему по имени Уризен, а о Сотворительнице Всего Высшей Айне и не знают, также возносят молитвы некоей Деве Хервор. Говорят, она была настолько чиста, что, в отличие от смертных женщин, не имела крови ни единого месяца за всю свою жизнь, пока не вознеслась на небо – даже не на крону Древа.

«Впрочем, в Эльзиле все странные, – Мидж не видела в менструации ничего нечистого, напротив, это был знак высшего благословения женщине, способной рожать новую жизнь, и знак её постоянного обновления, – вот у Высшей Айне совершенно точно есть месячные. Все мы дочери её, подобные ей, а уж цунцу – особенно.»

Впрочем, как и в Эльзиле, в Бралентии, откуда Мидж была родом, экзорцистки не проводили ритуалов в свои особенные дни – но не потому, что считались нечистыми, а оттого, что посвящали эти дни молитве и единению с природой. Мидж же достигала гармонии как могла в вынужденных стеснённых условиях: между сном и едой высывалась из окна, пытаясь различить среди смрада улиц благоухания хоть каких-нибудь растений. Впрочем, на девятый день в городе Мидж почувствовала, что достаточно окрепла для того, чтобы отправиться, наконец, в ближайшее святилище. Нужды молиться девушка не испытывала, однако юность в монастыре научила её быть почтительной к Высшей, к тому же, ей требовалось ритуальное одеяние экзорциста – раньше она любила привлекать к себе внимание своим уникальным даром, превосходящим по силе способности многих других, если не сказать – всех. Но, судя по неприятному инциденту две недели назад, Мидж была слишком беспечна. Всё равно, немногие платили больше за показуху – значение имел только результат. Да и потом, порой Мидж изгоняла демонов бесплатно, словно состояла в ордене... Хоть на самом деле не имела ни малейшего отношения к жрецам-экзорцистам. Но такова была цена её сверхмощных сил: невозможность отказать нуждающемуся. Это была половина причины, по которой девушка слонялась по свету. Сам дар гнал её из поселения в поселение, по всему королевству и за его пределы.

Святилище находилось почти на окраине города. Неподалёку шелестел листвою лес – зелёная волна со временем отхлынула от стены домов, но прежде, несомненно, святилище стояло в окружении деревьев. Огромное белокаменное здание с отверстием в кровле, сквозь которое ввысь взмывал символ этого мира, святого древа – могучий дуб. Мидж улыбнулась, представляя, как войдёт внутрь и прикоснётся к многомудрой коре. Говорят, за океаном, в Эльзиле, поклоняются изображениям из цветного стекла и письмам на табличках – как можно? Вот уж никак не понять этого обычая, в котором мёртвая, покрытая лаком и краской, плоть символа мира ставится выше живой.

В святилище вело две двери – мужская и женская. Это делалось для того, чтобы женские желания, символизируемые завязываемыми на ветвях древа лентами, не смешивались с мужскими. Мидж в последние годы входила только в мужскую дверь. Она имела теперь только мужские желания, хотя лент не повязывала вовсе. Только однажды она сделала это. Древо и Высшие вняли её просьбе... Но Мидж не знала, о чём умоляет. Пока не стало слишком поздно.

Однако сейчас она даже не вспомнила о прошлом, ступив на белые мраморные плиты под прохладные своды святилища. В середине помещения пол был разобран – по мере разрастания древа плиты убирали. Именно туда, к средоточию силы, Мидж и двинулась. Она не сняла капюшона с головы, а перед входом надела маску. Не оттого, что боялась быть узнанной (казалось, в святилище, кроме неё, никого и нет), но потому, что её маска была не просто подарком человека, о котором она поклялась помнить всю жизнь, не просто воззванием к частичке крови цунцу в её венах, но ещё и символом экзорцистов – если врачи носили клювастые деревянные

футляры для лиц, то врачеватели душ оставили только символ, сделав свои маски изящным украшением. И опознавательным знаком тоже.

Мидж почтительно приложила ко лбу два скрещенных пальца – знак Древа – и двинулась к дубу. Она буквально чувствовала исходящую благодать... Пока её не обрубилась сталь клинка, преградившего ей путь. От испуга Мидж смогла только вздохнуть – но даже не крикнуть. На неё угрожающе надвигалась фигура в таком же, как у неё, чёрном плаще с капюшоном. Девушка подняла руки, показывая, что они пусты и не тянутся к оружию, и отступила на пару шагов – некто в плаще плавно двинулся за ней. Острие клинка было все так же метко нацелено в сумрак под капюшоном, на горло Мидж.

– Не убежишь, – рыкнул незнакомец. Впрочем, его голос... Его Мидж уже однажды, кажется, слышала. Или нет?

Догадка вертелась у неё в голове, но раньше, чем девушка успела сообразить с полной отчётливостью, что же именно она узнаёт, Мидж запнулась о неровность мраморных плит и упала навзничь. Плащ распахнулся.

– Девица? Впрочем, конечно, как я мог жестоко обознаться, – несмотря на смысл слов, голос незнакомца в плаще звучал ровно, ничуть не удивлённо. Он вложил меч в ножны, но, вопреки ожиданиям тяжело дышащей от пережитого испуга Мидж, не ушёл, а нагнулся и схватил её за ворот. – Однако, именно такая маска существует только в одном экземпляре. Не могу себе представить, где ты взяла её, подружка, и сейчас ты мне это скажешь!

Теперь же голос горячел – от слова к слову всё больше и больше, пока последнее не обожгло. Мужчина встряхнул Мидж, и она пискнула, чувствуя, как душит её ворот рубашки. Быть может, она и открыла бы враждебно настроенному незнакомцу, откуда у неё маска, но в горло не проникал воздух, девушка могла только хрипеть. Но распрощаться с жизнью ей помешал вошедший в святилище жрец.

– Опомнись, нечестивец! – закричал он, перепуганный больше Мидж. – Как ты можешь! В благословенном месте!

Мужчина в плаще разжал руку (Мидж хлопнулась на жёсткий пол, больно ушибив спину) и молнией ринулся к проходу. Священник и кашляющая девушка слышали, как незнакомец свистнул коня...

Глава 4

Беда лишь в том, что действуешь ты или ждешь – все равно становится слишком поздно. Я предпочитаю действовать.

Ольга Брилева, «По ту сторону рассвета»

Жрец помог Мидж встать и предложил ей воды, но девушка отказалась.

– Мне уже лучше... Могло ли быть иначе в столь святом месте? – улыбнулась она. Священник обрадованно закивал, умиленный её возвышенностью¹.

Мидж немного посидела у древа, не столько молясь, сколько размышляя. Она вот уже почти пять лет, как перестала задавать вопросы Айне – все те годы, что моталась по родной Бралентии, а потом – до сего момента – по Межевым землям. Хотя в последние полтора года, в Межевых, ей и приходилось туго. Её имя тут больше ничего не значило, и она выдумала новое. Между городами и селениями здесь лежали огромные пространства, заправляли всем губернаторы, подчиняющиеся то Бралентии, то Шуххе, а то и Эльзилу: в большинстве городов даже стояли святилища Уризена и Тэль чуть ли не через дорогу от храмов Святого древа Высшей Айне.

И вот теперь Мидж почувствовала, что хочет обратиться к Высшей... Но она не посмела. Словно нашалившая девчонка, прячущаяся от мамы, которая слишком великодушно доверила дочке взрослое дело, а та испортила его. Мидж только приложила скрещенные пальцы ко лбу, вознося формальную благодарственную молитву Святому Древу, в которой имя Высшей не упоминалось, и поднялась. Священник неподалеку от неё наполнял чашу с ритуальной водой. Девушка спросила его о традиционном платье экзорцистов – и жрец тут же вынес ей чистое одеяние. Оно оказалось великовато, впрочем, такое тоже годилось, во всяком случае, для Мидж – она не ставила себе задачу выглядеть привлекательно и во время экзорцизма.

Сердечно поблагодарив жреца, Мидж вышла, сжимая под мышкой свернутое платье. А также сняв маску и скинув капюшон с головы. Угрожавший ей мужчина обознался, принял её за другого, но саму Мидж он не знал, а значит, теперь она обезопасила себя.

Дорогой Мидж очень хотелось поразмышлять над всем случившимся, но её обострившееся от пережитого чутьё не давало ни на секунду отключиться от окружающего. Голоса прохожих, запахи били по нервам, словно восприятие девушки стало по-собачьему чутким. За каждым поворотом невольно виделся враг. Мидж расслабилась, только добравшись до гостиницы, где они с Грейсоном остановились.

Но Серого Тигра нигде не было. Ни на конюшне, ни в комнате, что они сняли. Мидж не стала его искать – пусть шляется, где хочет, он ей не брат и не любовник. К тому же, ей требовалось немного времени на размышления. Однако, когда девушка села на кровать, взяв в руки маску, все мысли у неё из головы будто выветрились. Она смотрела в пустые глазницы, окружённые кружевом изящной чеканки, и не думала ни о чём. Та мысль, что кольнула её на выходе из святилища, все ещё осой вилась возле головы, тем не менее, Мидж словно сама не давала ей полностью осознаться. Слишком страшно. Нехорошее предчувствие.

Грейсон поднялся в комнату спутницы через час, топя сапогами так, что звук был подобен обвалу в горах. Прошёл мимо Мидж (плащ взметнулся, рассеивая в воздухе сверкающие пылинки – вровень с лицом девушки), хлопнул на стол длинный сверток.

¹ Т.е., набожностью. В таком написании в дальнейшем тексте данное слово будет использоваться именно в этом значении.

– Купил тебе кой-чего. Я, конечно, твой телохранитель теперь, но я не всегда могу быть рядом. К тому же, вот сегодня ты сама куда-то убежала. Ну как так можно? Мы же договорились!

Мидж подняла голову, прищурилась, глядя на Грейсона. Он не выглядел гневным, он был... обеспокоенным. Взволнованным. Издёрганным.

– Почему ты так переживаешь за меня? – Мидж встала, сделала несколько шагов к Грейсону, но тот легко выдержал её пылкий взгляд. Он даже успокоился – словно в минуту из него ушло все напряжение, подобно воде или песку, утекающим в лунку.

– Да потому что ты пигалица, вот почему.

Девушка покачала головой, не отводя взгляда. Пальцы невольно сжали маску сильнее.

– Я отчего-то нужна тебе живой.

Грейсон мог бы сказать честно, зачем она ему. Мог соврать. Но он только мягко отодвинул ладонью её со своего пути и, выходя, бросил уже буквально из дверного проема:

– Мы заключили соглашение. На столе посмотри. Это тебе.

Вот и весь ответ.

Мидж не сразу подошла к столу. Ещё несколько секунд она смотрела на захлопнувшуюся за Серым Тигром дверь, на самом деле, скорее вслушиваясь в удаляющийся звук его шагов, скрип лестницы, всё ещё ловя спугнутую им мысль... Но тщетно. Мидж положила маску на постель и подошла к столу, вздохнув. Итак, что же за подарок, на который Серый Тигр великодушно расщедрился? Девушка провела рукой по холстине, уже догадываясь, что под ней. Сердце ее учащённо забилось. Девушка откинула край ткани...

– О, Святое древо!

Перед нею лежал меч: красивый, узколезвенный, опасный, с широкой изящной гардой, в кружеве которой изображалась стая птиц. Настоящее произведение искусства! Мидж пробежала пальцами по изящной вязи клинка – хорошая сталь, добротное оружие. Отец научил её разбираться в мечах. На девушку нахлынули разом воспоминания о родном городе, о прошлом. То, что не беспокоило её память последние пять лет, с тех самых пор, как она покинула отчий дом, теперь рухнуло на неё, как шквал листьев вперемешку с водой слетает на молящегося с Древа после дождя. В груди заныло от боли, но горько-сладко, было в этих воспоминаниях и кое-что приятное.

«Друг, дружок,» – мысленно она уже звала меч. Он не сможет защитить её жизнь – но на это у неё есть Грейсон. Во всяком случае, пока есть. А в остальном меч, конечно, ей исправно послужит. Может быть, когда-нибудь, в отдалённом будущем – даже всё-таки поможет.

Мидж взяла меч в руки, примерилась: хороший баланс, но непривычная для неё рукоять и форма клинка. Когда-то давно она фехтовала с другом отца из Эльзила, где в ходу такие мечи, однако недолго.

Теперь же в ней горело желание вспомнить все приемы, что она когда-то знала. Снова завернув оружие в холст, Мидж вышла на задний двор гостиницы, огляделась, чтобы убедиться, что никто не смутит её наблюдением, и обнажила клинок.

Грейсон видел ее в окно столовой: Мидж полчаса без устали, не останавливаясь ни на секунду, делала выпады, финты, переходы... Красива фехтующая женщина, подумал он, даже такая пигалица, как эта рыжая. И даже после стольких недель мытарств она сохранила неплохие – для девицы, конечно – мышцы. Впрочем, вот сейчас она бьёт неправильно.

Не допив кружки, Грейсон встал и вышел во двор, мгновенно забыв о крепкой медовухе.

Еще до того, как он приблизился к Мидж, она охнула и свалилась на жухлую жёлтую траву. В первый миг Грейсон напрягся, решив, что девчонку подбили стрелой незримые недоброжелатели, сказала привычка мыслить бывалого воина (а в большей степени – разбойника,

всегда имеющего множество врагов), но как только увидел, что она хлопает и щиплет бедро, расслабился, даже улыбнулся.

– Светло? – он подал ей руку.

– Да. Нет ничего более унижительного, чем осознавать потерю своих былых способностей. – Мидж приняла руку, и Грейсон помог ей встать. Но когда он попробовал подхватить её на руки, девушка дёрнула плечами, высвобождаясь. – Всё-таки я не настолько беспомощна.

Тигр убрал руки, ухмыляясь.

– Вижу, подарок тебе пришелся по нраву. Я зашёл к кузнецу, разжиться мечишком, смотрю, а тут эта зубочистка девчачья – я сразу понял, что как раз по твоей руке. Кузнец сказал, что какой-то принцессе готовил её, но я как назвал цену, он мигом передумал. Ничего так веточка, верно?

Мидж покачала головой, возведя очи горе. Грейсон прекрасно знал, что меч замечательный, но намеренно умалял его ценность.

– Как ты вообще догадался, что я умею фехтовать?

– Я наблюдал за тобой. Ты мечница, у тебя мозоли на обеих руках. Ты рассталась со своим оружием не так давно, меньше полугода, они не успели ещё сойти.

– Но с чего ты взял, что я не использую два коротких лёгких меча, а предпочитаю один?

– Рискнул предположить. – Грейсон усмехнулся, двинув челюстью вперёд, как мог бы показать рукой. – Понаблюдал за тобой немного, ты правша, а не обоерукая.

– Да, это так. Но в остальном ты не угадал. Я не фехтовала уже несколько лет, я потеряла меч, когда выезжала из Бралентии, где родилась и постигала науки. Не угадал ты и с видом оружия – лучше всего я обращаюсь с тонкой саблей, обоюдоострый меч мне... в новинку.

Грейсон фыркаяще усмехнулся. На миг по его лицу пробежала тень неудовольствия, когда Мидж сказала, что он ошибся, но теперь он был рад. И в предвкушении.

– Тогда я поучу тебя немного. Смотри, вот так. – Он сместился за спину девушки, взял её руку в свою, положил на рукоять меча – иначе, чем Мидж привыкла. – Сейчас объясню тебе азы, а завтра мы уже, может быть, пофехтуем.

– Вот еще. – Мидж покраснела и выдернула ладонь из захвата Грейсона. – Не надо меня учить. Я фехтовала под руководством графа МакБьои, неужели ты думаешь, что ты лучше него?

Серый Тигр презрительно хохотнул:

– Не знаю, кто такой этот МакБьои, но, кажется, раз я не слышал его имени, слава его не опережает!

Мидж состроила гримаску и, вскинув голову, удалилась, ругая себя весь путь до комнаты: дура! Сболтнула лишнего! А Грейсон тем временем только вздохнул: о, женщины... Но имя графа засело в его голове. Это всё, определенно, было не просто так. И нежелание Мидж фехтовать, при её недурных, тем более, для женщины, навыках, крылось не в смущении или внезапном капризе.

Серый Тигр никогда не обольщался насчёт своих логических способностей, но, слава Уризену, и дураком не был. Если у Мидж имелась какая-то тайна, которую та предпочла бы скрыть, девушке следовало бы отныне быть ещё более осторожной в словах и реакциях.

Мидж с трудом заснула, взволнованная произошедшими событиями. Её пытались убить уже не раз, но прежде, измученная голодом, она мало думала о происходящем с ней. Выжила – и ладно, и здорово, вовсе нет никакого повода об этом размышлять. Теперь же, когда её организм оживал, в девушке просыпалась прежняя эмоциональность, вернулась та же палитра чувств, что и раньше: волнение – от воспоминания, что смерть прошла стороной, разминувшись с ней буквально на пару мгновений, любопытство – определенно, мужчина в чёрном знал её маску, а Мидж знала его голос, и, в конце концов, ей было все же неудобно от близости

Серого Тигра, хоть сейчас Грейсон и находился относительно далеко от неё – на конюшне. Он наотрез отказался занимать комнату, сославшись на то, что может привыкнуть к роскоши, которой наверняка скоро лишится.

Грейсон был... странным. И не только потому, что полулиномы встречаются довольно редко, а те, которые есть – как правило, королевских кровей... В нём была тайна посерьёзнее происхождения. Зачем ему нужна Мидж? И если он так заинтересован в её услугах, отчего не заговаривает о них больше, ведь она доказала, что искусна? Да, линомы крадут прекрасных дев, чтобы жениться на них, но Мидж не настолько хороша, чтобы обаять мужчину до такой степени, что он пойдёт за ней, вмиг изменив свой намеченный прежде маршрут, готовый защищать до последней капли крови.

Переполненная мыслями, Мидж не заметила, как уснула, однако и во сне она продолжила размышлять, пока не открыла глаза с первым лучом солнца. Но то не было мирное пробуждение. Девушка села на кровати, сжала виски руками, тихо постанывая. Это её дар, он же её проклятие, напомнил о себе. Магия, бурлящая внутри Мидж, поднимала ее, заставляя изгонять демонов. Как полное вымя коровы ждёт, когда его опустошат, так голова и руки экзорцистки гудели от сконцентрировавшегося волшебства. Какое-то время назад, когда истощение перешло допустимую грань, организм Мидж словно включился в режим выживания: она больше не чувствовала надобности творить ритуалы, совершая их от случая к случаю ради заработка, а теперь, когда тело приходило в порядок, магия напомнила о себе. Как голод, заглушающийся сильной зубной болью, волшебство спало в кончиках пальцев.

И вот теперь оно тянуло Мидж разыскивать в городе одержимых.

Глава 5

Многие сделались жестокосердными,
потому что раньше были сострадательны
и не раз обмануты.

Иммануил Кант

Мидж спешно оделась и, не думая, что помешает другим постояльцам топотом, сбежала по лестнице, на ходу завязывая тесемки плаща на шею. Меч и маска висели у пояса, ритуальное платье девушка зажимала под мышкой. Конечно, хоть Мидж и звала свой дар проклятием, он не делал с ней ничего особенно ужасного, если она противилась ему – штука в том, что долго сопротивляться она и не могла, как трудно сдержат тик или чихание. Если раньше она только становилась все беспокойнее день ото дня, когда не использовала свою магию, то теперь ее словно на веревке тянуло вперед. Если сейчас же не найти одержимого, догадывалась Мидж, она просто уедет из города, как всегда, почти загоня Ясеня. Так уже было пару раз до того – неприятное происшествие, когда дар берет тебя за горло.

На конюшне Мидж ожидала увидеть не только своего коня, но и Грейсона, однако полулинора, как ни странно, там не было. Впрочем, чего удивляться? Мидж решила, что Серый Тигр наверняка сейчас где-то пьянствует, щупает официанток и танцовщиц да играет в карты. Вот так и нанимай телохранителя – неизвестно, где он и чем занимается. На секунду девушке стало обидно, что она отдала ему половину своего гонорара, но тотчас же она вспомнила, что Грейсон спас ей жизнь. Это стоило много больше мешочка золотых.

Эта мысль словно одернула Мидж, она готова была подождать возвращения спутника, но дар уже через минуту разгорелся в ней с новой силой, требуя выхода, закинул ее в седло и заставил сжать коню бока пятками. Мидж направилась к святилищу, в котором побывала день назад.

А в этот самый миг Грейсон, совершавший утренний обход, проверил черный ход гостиницы и вошел в опустевшую комнату Мидж.

На сей раз Мидж вошла через женские ворота: не было времени огибать святилище. Внутри она встретила двух жрецов, зажигающих лампадки по углам священной залы – скоро нужно было начинать утреннюю службу. Мидж спешно коснулась лба скрещенными пальцами и подбежала к ближайшему служителю.

– Мне нужен список одержимых! – В волнении девушка схватила жреца за рукав, и он разлил немного масла на пол. Он помнил Мидж, недавнюю жертву, подвергшуюся нападению в его присутствии, но теперь она внушала ему не меньший страх, чем вчерашний мужчина в черном. Однако, Мидж была экзорцисткой – и это значило, что она имеет право на список одержимых, даже если при взгляде на нее кажется, что она не в себе.

– Я сейчас принесу.

Жрец вернулся через несколько минут, подал Мидж вытянутой рукой свиток, оставив на нем жирные пятна от масла. Девушка жадно схватила бумагу, развернула, пробежала глазами...

– Но тут все отмечены, как излеченные! О, святое Древо! Что же мне делать! Я должна хоть кому-то помочь!

– Помоги мне.

Мидж обернулась. В дверях святилища стояли трое: два мужчины в доспехах, а чуть впереди... девушка. Даже в скромном утреннем свете было видно, как она красива, а уж ее платье!

Изысканный шелк переливался в лучах утреннего солнца. Очевидно, это была некая аристократка с телохранителями, явившаяся помолиться с рассветом. Что ж, очень возвышенно.

Это она обращалась к Мидж.

– Вам? – Мидж понадобилось чуть больше секунды, чтобы «прочувствовать» всю природу аристократки. – Но Вы не одержимы.

– А если я скажу, что нет? – У нее был потрясающий голос, она говорила ничуть не приглушенно, но казалось, что девушка томно шепчет. – Я дожидаюсь помощи вот уже несколько лет, и никто не может исцелить меня... Пстой-ка! Что это за меч у тебя на поясе, объясни мне!

Мидж похолодела. Так это, судя по всему, та самая принцесса, оружие которой перекупил Грейсон! Вот так телохранитель, подумала она с досадой, одной рукой спасает, другой губит.

– Стража, взять ее!

Мидж выронила свиток, бросилась назад, но узорная решетка, разделявшая мужскую и женскую половину, помешала ей бежать. В зазор между решеткой и стволом Древа девушке было не протиснуться. Она успела только вжаться в узкий проем, как телохранители принцессы выдернули ее назад и заломили ей руки за спину. Один жрец, уже второй день подряд видящий насилие в священном месте, от волнения потерял сознание, второй выскочил из зала, точно муха, метавшаяся по комнате и, наконец, нашедшая окно. Мидж было неоткуда ждать помощи. Принцесса медленно подошла к ней, покачивая бедрами.

– Так-так. Меч и маска. И обе вещи тебе не принадлежат. Воровка, прикрывающаяся званием экзорциста? Забавно... и в той же степени омерзительно. В мой дворец ее, парни!

На сей раз Мидж потеряла сознание уже привычным ей способом: от удара по голове, все перед глазами мгновенно погасло, точно задули свечу.

Очнулась она тоже от не то что бы оригинальной причины: на девушку вылили ведро ледяной воды и отшлепали по щекам (даже несколько сильнее, чем требовалось). Первым, что Мидж увидела, открыв глаза, была одутловатая бурая физиономия одного из телохранителей принцессы.

– А теперь ты у меня запоешь, падаль! – Мужик отвесил Мидж крепкую оплеуху. – Или я из тебя все кишки вытащу!

– Потихе, Хьюберт. – У него из-за плеча в поле зрения Мидж всплыла принцесса. – оставь нас наедине.

– Но, госпожа...

– Я должна бояться связанной девицы? – В голосе аристократки слышался такой холод, что Мидж задалась вопросом, не свело ли у той от него зубы.

Хьюберт поклонился и вышел из комнаты. Мидж как раз удалось улучшить минутку на разглядывание обстановки (витражные вставки на окнах, дорогие гардины, позолоченные канделябры и рамы картин, обрамляющие какие-то утопающие в жабо краснощекие морды), прежде чем принцесса взяла ее за подбородок и, нещадно впиваясь ногтями в кожу, дернула на себя.

– Мне не нравятся методы моих парней, но это не значит, что я буду мягкой, птичка. Напой-ка мне, давно ли экзорцисты стали красть?

– Я ничего не крада! – Мидж дышала тяжело, как загнанная лошадь – от возмущения и напряжения. – Кузнец продал меч, как только услышал цену больше, чем ты предлагала.

Принцесса нахмурила изящные брови, щелкнула пальцами. Дверь за ее спиной мигом отворилась.

– Хьюберт, пошли узнать, правда ли кузнец продал меч по собственной воле.

Телохранитель согнулся поклоне, настолько низко, насколько это позволяли доспехи, и снова ушел. Пальцы принцессы на челюсти Мидж не ослабили ни на йоту.

– Что ж, это хитро, но не является преступлением. Тебе повезло, если сейчас ты не врешь. Но что скажешь насчет маски? Я знаю, что такая в мире только одна.

Мидж закрыла глаза, собираясь с мыслями. Сейчас она может солгать – но что сказать? И на какие зверства способна принцесса? Можно сказать правду. Но не будет ли только хуже?

– Вчера я уже встречала человека, который спрашивал ровно то же самое. Может быть, вам стоит встретиться?

Ногти впились в кожу так, что Мидж застонала.

– Я. Задала. Вопрос.

– Мне отдал ее один маг. На прощание. Как память о нашей любви.

Принцесса отшатнулась от пленницы, отвернулась от нее, прижав ладони к лицу.

– О, Тэль-заступница! Продолжай... Кто был тот маг?

– Ты его не знаешь.

Принцесса покачала головой, так что ее длинные волнистые волосы шевельнулись на спине осторожной черной куницей.

– Назови имя. И проверим.

– Айнар, – прохрипела Мидж. Каждая буква царапала и жгла ее горло.

Принцесса рухнула на колени, согнулась, словно пыталась стать как можно более незаметной, и зарыдала.

– О, Тэль-заступница! Он придет за мной, он убьет меня! – выла принцесса. Мидж еще чувствовала боль от ее захвата, и, в то же время, не могла не проникнуться к плачущей аристократке жалостью.

– Что? Почему? Ты знаешь, где сейчас Айнар?

Принцесса перестала рыдать и обернулась через плечо, шмыгая носиком (даже слезы ничуть не умалили ее красоты!):

– Если ты его возлюбленная, Айнар придет и отомстит за то, что я так плохо обошлась с тобой! Скажи, как мне загладить свою вину? – Принцесса поползла по полу, словно рабыня, и попыталась обнять щиколотки Мидж. Пленница едва успела поджать ноги под стул (благо они, в отличие от рук, не были привязаны).

– Не надо этого, леди! Лучше развяжите меня!

– О, конечно, конечно!

Не переставая всхлипывать, принцесса принялась ковырять узлы на веревках Мидж, сломала ноготь и даже не обратила на то внимание... Пленница предложила взять нож, и принцесса позвала второго телохранителя из тех двоих, что были в святилище. Мидж развязали. Вернулся Хьюберт с подтверждением, что кузнец действительно продал меч по доброй воле. Мидж слышала из-за двери, как принцесса отчитывает телохранителя, когда он сказал «Ну, я ему двинул на всякий случай... Пару раз. Под ребра, в челюсть и по голове...»

Мидж была бы спокойна, что все так уладилось, если б магия не тащила ее на улицу, на поиск одержимых. Она пока не планировала открывать своей пленительнице, что их отношения с Айнаром уже давно не такие теплые, как та подумала. За окном давно рассвело, и когда тени почти исчезли, Мидж ощутила, что больше не может ждать. Магия ныла в ней, как больной зуб, и девушка распахнула двери комнаты, в которой находилась, надеясь, что выйдет из замка беспрепятственно, но в коридоре столкнулась с принцессой. Красавица взяла гостью (так, очевидно, сменился статус недавней пленницы) под локоть и попробовала потянуть за собой:

– Я приготовила нам стол с яствами.

– Это замечательно, но... Я должна срочно кого-нибудь вылечить.

Принцесса изумленно вскинула брови.

– Я не обычная экзорцистка. Изгонять демонов – не просто мое призвание, но потребность. Я не знаю, может ли мне навредить неиспользуемая магия, но состояние, когда она копится во мне, не самое приятное.

– О, я уже подготовила все для ритуала! – Шелковая ладонь погладила руку Мидж. – Наполнен бассейн для омовения. Хочешь, я пошлю за твоим ритуальным одеянием?

Мидж собиралась кивнуть, но магия хлестнула ее изнутри, как распрямившаяся пружина, и девушка рухнула на колени, пытаясь отдышаться. Принцесса в ужасе прижала руки к щекам.

– Веди к воде. Быстро, – прохрипела Мидж. И аристократка покорно закинула руку гостьи себе на плечо и повела по коридору.

Мидж кое-как содрала с себя одежду и плюхнулась в воду. Бассейн был заполнен почти до краев: вода, а сверху, как взбитые сливки, ароматная пена. По сути, это не имело значения для ритуала, если экзорцист или пациент хотели превратить изгнание демона в веселое купание, чтобы бояться чуть меньше, желание можно было легко удовлетворить. Принцесса разделась вслед за Мидж и тоже погрузилась в воду.

– Дай руку, – скомандовала экзорцистка. – Я не чувствую в тебе демона, но...

Да, когда они соприкоснулись в коридоре, она ощутила, что принцесса и не чиста: в ней клубилась тьма проклятия. Мидж еще никогда не снимала проклятий и сомневалась, что у нее достанет на то сил, но попробовать стоило. Принцесса протянула ей руку, и экзорцистка сжала ее ладонь. А потом погнала из себя магию. Это было болезненней, чем обычно, и все же ощущалось, как облегчение – как рвота, если угодно, только всем организмом сразу, изнутри и снаружи, каждой клеткой кожи. Сперва магия была невидима, но вскоре сцепленные пальцы девушек засияли радужными всполохами, и принцесса захихикала, чувствуя легкую щекотку. Весь ритуал длился не больше десяти минут, но Мидж хватило и этого: совершенно обессиленная, она откинулась на бортик бассейна.

– Не знаю, подействовало ли... Обычно экзорцисты не лечат проклятия.

– Посмотрим, проверим. – Аристократка покрутила рукой, уже потерявшей свое сияние, и опустила ее под воду. – Если что, ты ведь сможешь договориться с Айнаром?

Мидж вздохнула. Настало время правды. Еще до того, как договорила, она вся подобралась, на случай, если придется бежать.

– Должна признаться, я уже давно не его возлюбленная. Я сама его ищу. И вовсе не затем, чтобы договариваться.

Принцесса насторожилась, напряглась, словно осторожная белка, услышавшая шум.

– Продолжай.

– Я хочу его убить.

Принцесса лучезарно улыбнулась. На секунду Мидж показалось, что в ее чертах мелькнуло что-то кровожадное, монструозное... Хотя – нет, у красавицы было неукоснительно очаровательное выражение лица.

– Забавно, я тоже. Еще более забавно, что это ничего не меняет. Я расположена к тебе теперь только еще больше, чем была. При условии, если ты, конечно, не врешь.

Мидж покачала головой.

– Это он наложил на тебя проклятие? В чем оно состоит?

– Что ж, правда за правду. Меня зовут Геселин и я выдаю себя за путешествующую инкогнито принцессу. На деле же я даже не благородного происхождения. Я встретилась с Айнаром в Нимке, пыталась поступить к нему в ученицы, но успокоилась на том, что он одарил меня тем, что я просила... И проклятием заодно. Хотя и подарку его я вовсе не рада.

Мидж очень хотелось расспросить подробнее, но она понимала: еще не время. Как раз в этот момент в купальню впорхнули служанки с подносами.

– Миледи не пришла в обеденную залу, и мы решили принести яства сюда, – сказала одна из них, судя по более дорогому платью, чем у других, старшая по должности. Геселин благо-

склонно кивнула и указала, куда ставить тарелки с фруктами и бокалы. Девушки исполнили молчаливый приказ и удалились.

– Прекрасная прислуга, выучили все мои привычки меньше, чем за месяц. – Аристократка отпила глоток вина. – Я тут уже полгода. Не стесняйся, пей, и подплывай поближе.

Мидж нерешительно взяла вино, понюхала и осторожно отхлебнула.

– Там нет яда или сонного порошка.

– Достаточно действия самого вина, чтобы выбить меня из колеи. Но я не обижу твоего гостеприимства. – Мидж отсалютовала принцессе бокалом и отпила глоток. Великолепно!

– Как мило. – Усмехнулась Геселин, наблюдая. – Ты точно такая, какой я всегда представляла себе типичную айнианку. Ты соглашаешься не из покорности, но из наивности. Это так трогательно. Не боишься, что я опою тебя и сделаю что-нибудь порочное?

– То, что типичные уризенианки считают порочным, для верующих в Святое Древо – только разновидность веселья. – Равнодушно пожала плечами Мидж, отпивая из бокала. Геселин расхохоталась, запрокидывая голову, так что даже намокли ее увязанные в пучок волосы.

– Ты еще лучше, чем я могла вообразить за пару часов нашего знакомства... или мечтать вообще, имея в виду бралентиан. Надеюсь, мы споемся.

– Хочешь присоединиться к нашей группе? Искать вместе Айнара?

Геселин вынула из пены руку, протянула ее Мидж.

– Больше всего на свете.

Лица обеих девушек исказили похожие жестокие гримасы.

– Твоя помощь будет кстати. На своего напарника я не очень-то рассчитываю, хоть и плачу ему. Что ж, добро пожаловать в компанию. – Мидж с размаху соединила их руки, так что вода меж ладоней брызнула фонтаном.

– Ах, кстати... Ты сказала, напарник?

– Ну. – Мидж снова взялась за бокал. – Вообще-то он телохранитель, но он что-то не очень меня стережет.

И тут за дверью послышался грохот. У Мидж изумленно вытянулось лицо, Геселин озабоченно сдвинула бровки. Звук приближался.

– Кажется, ты его недооцениваешь, – произнесла принцесса, когда двери распахнулись: Хьюберт раскрыл их спиной. Он пятился, выставив руки вверх в сдающемся жесте, пытаясь не касаться направленного на него меча Грейсона. Полулином вошел за ним следом.

– Грейсон, расслабься, у нас тут девчачьи посиделки, а не преступление, – крикнула Мидж из бассейна, опускаясь в пену до самого подбородка. Телохранитель сперва посмотрел на нее быстрым вараньим взглядом, и только потом опустил меч. Геселин движением отпустила напрягшегося Хьюберта.

– Ты снова убежала, – укоризненно буркнул Грейсон. – Могла бы сказать мне... что идешь в гости к такой очаровательно леди. Эй, я буду третьим!

И мужчина стремительно сбросил перевязь с ножами, сорвал с себя рубашку, стряхнул с ног сапоги и прямо в брюках прыгнул в бассейн. Мидж плеснуло водой в лицо, в бокал попала пена... Девушка состроила недовольную гримаску, сверля напарника взглядом.

– А кузнец мне соврал, что тебя похитили.

– Сперва так и было. Но потом мы выяснили, что мы с принцессой на одной стороне.

– Теперь я иду с вами. – Геселин подплыла к Грейсону и положила руки ему на плечи. Он ухмыльнулся, оценивающе рассматривая ее возвышающуюся над уровнем пены голую грудь.

– Я не против.

– Ну еще бы.

Глава 6

Что же находим мы? В чувствах – страдания,
В страсти – мученья залог бесконечного,
В людях – обман. А мечты и желания?
Боже мой! Много ли в них долговечного?
Алексей Апухтин, «Жизнь»

Отправляясь в путь, Геселин прихватила с собой почти четверть всех своих многочисленных нарядов. Перепало кое-что и Мидж: ей пришлось впору старые (то есть, вышедшие из моды) сапоги новой знакомой. Грейсон удовольствовался новыми, ни разу не использовавшимися ножнами для меча.

Также Геселин выделила отряду новенькую повозку, в которой, при желании, они с Мидж вполне могли бы разместиться на ночлег (но не Грейсон – ноги бы не влезли, а высунуть их из окна он вряд ли бы согласился). Двое бодрых лошадей тянули ее по степи, Грейсон сидел на козлах и правил, Мидж на верном Ясене, освобожденном от поклажи, скакала рядом.

– Кажется, отныне наше путешествие будет проходить с куда большим комфортом, – сказала Мидж, вспоминая тяжелую дорогу, что ей пришлось проделать из Бралентии до Межевых земель.

Заметно побледневшая Геселин высунулась из окна повозки, обмахиваясь платком:

– Если по-твоему это – комфорт, я даже не буду спрашивать, какого ты рода...

– Да уж не чета Вам, принцесса. – Мидж отвернулась, прижимая губы к плечу, чтобы смехок не вырвался наружу.

Она одобряла, что к ним теперь присоединилась Геселин, к тому же, красавица очень легко влилась в их с Грейсоном дуэт: мужчина и аристократка быстро нашли общий язык, словно кот и кошка, которым достаточно понюхать хвост друг друга, чтобы решить, нравятся они друг другу или нет. При этом, Мидж понимала, что, по сути, находится в компании двух людей, ни одному из которых до конца не доверяет. Но все же у них была причина путешествовать всем втроем вместе, а нужда испокон веков была способна сплотить лучше любых клятв. И душа Мидж теперь была спокойней, чем обычно.

Однако проклятие все еще вело ее, словно козу на веревке, вперед.

– Нам надо бы поспешить, – сказала Мидж, когда закат алой ниткой протянулся над землей.

– Это из-за твоей магии? – спросил Грейсон, обернувшись. Мидж кивнула.

Геселин снова высунула голову наружу. Закатные лучи изысканно играли на ее фарфоровых щеках румянцем.

– Почему ты не можешь снова сбросить магию на меня?

– Не смогу. Я попробовала вылечить тебя, и вне зависимости от того, получилось это или нет, повторно магия тебя просто не коснется. Но я не думаю, что в тебе был демон, нет. Я бы его ощутила.

Геселин печально покачала головой. То ли ее дурнота прошла, то ли изначально была наигранной, но теперь аристократка полностью погрузилась в мысли. По ее глазам было видно, что какая-то идея мучит ее. Но девушка не спросила у своих спутников ничего.

– Так значит, у тебя всегда есть только одна попытка? – нарочито безразличным тоном подал голос Грейсон. Тем не менее, Мидж показалось, что на самом деле, его до крайности волнует этот вопрос.

– А больше мне и не нужно. Ты видел меня в деле. Я бью без промаха. Моя магия настолько сильна, что почти обладает собственным разумом. Она знает, кто нуждается в изле-

чении, а кто уже нет. Я могу насильно излить ее на выбранного мною человека, но нечасто. Это волшебство во мне – словно зверь, ждущий подношений в виде демонов. Если он долго не получает пищи, то может взбеситься.

Грейсон кивнул, глядя вперед, на дорогу, хоть пейзаж перед путниками не менялся с самого полудня.

– А твоя магия становится сильнее или слабее со временем?

– Она не меняется. Но если долго не давать ей выхода, начинает грызть меня. Именно поэтому я прошу поспешить – чтобы меня не схватило в дороге.

– Мы прибудем в следующее поселение, я думаю, через двенадцать-четырнадцать часов, если не остановимся на привал.

– Остановимся! – выкрикнула из недр повозки Геселин.

Мидж, тем временем поравнявшись с Грейсоном, с улыбкой покачала головой.

– Ох уж эти принцессы. Давай сделаем привал, как только окончательно стемнеет. Мы можем себе это позволить.

– Мидж, – откликнулся Грейсон. – Как тебе живется с такой магической силой?

Девушка пожала плечами.

– Непросто. Но я приноковилась.

И она пришпорила Ясеня, вырываясь вперед, чтобы не быть обязанной отвечать на новые вопросы.

Когда компания расположилась на ночлег, Грейсон разжег костер. Геселин еще в городе запаслась углем, и теперь не было нужды собирать для огня ветки чахлах кустиков. Мидж вытащила из повозки одеяла, расстелила их на земле. Одеяла были куда мягче и теплей, чем та два рваных лоскута, которыми она привыкла укрываться на ночь.

– Что вы делаете? – спросила Геселин. – Можно же спать в повозке! Мы с Мидж легли бы на лавочки, а Грейсон – на пол, посередине.

– Мы не можем не нести вахту, – ответила Мидж. – Да, пространство идеально просматривается со всех сторон, пока не наступила ночь, а потом мгла скроет от нас приближение и разбойников, и диких зверей.

– Да и я привык спать на свежем воздухе. – Грейсон ухмыльнулся. – К тому же, я так храплю, что вы просто не заснете.

– Да, – сказала Мидж. – Подтверждаю, я уже наслаждалась.

Пока Грейсон расседлывал лошадей, девушки занялись ужином. У Мидж слюнки текли при виде того богатства, которое Геселин раскладывала на земле, извлекая из мешка. Мясо, рыба, овощи, фрукты, сыр... за время долгого путешествия Мидж нередко приходилось голодать, нередко – в течение нескольких суток, и теперь ощущение насыщения дарило ей непередаваемые по приятности чувства, сравнимые с влюбленностью и возвращением домой. Для айнианки это даже не было странно, тем более – стыдно, а вот уризенианки с их культом усмирения плоти ради высшей цели (и красоты, которая была второй благодетелью женщины, наравне с целомудрием) определенно осудили бы Мидж, поделись она с кем-нибудь своими переживаниями. Она сама мысленно порой стыдила себя за удовольствие от еды – в голове у Мидж жила маленькая уризенианка, плод ее прошлого, ее юношеских лет в монастыре.

Девушки закончили раньше, чем Грейсон. Геселин закуталась в меха, а Мидж – в свою старую попонку. Жир с мяса капал на угли, шипя.

– Грейсон что-то долго там возится, – сказала Мидж.

– Что ж, это нам на руку, не так ли? Самое время спросить у тебя кое-что, подружка.

Мидж ухватила кусок, который, как ей показалось, прожарился, подула на пальцы, сунула в рот.

– Например, что?

Геселин пожала плечами, так что меха на них двинулись, соблазнительно оттеняя гладкость и розовость ее кожи.

– Так... Грейсон. Вы с ним в сношениях?

– Что? – Мидж чуть было не выронила от неожиданности кусок изо рта.

– Спите? О Уризен, о чем я спрашиваю.

– Нет. – Мидж продолжила жевать, но медленней, чем до того. – А что?

– Он... привлекательный.

Мидж не удержалась и расхохоталась. Она смеялась, пока не подавилась и не закашлялась. Геселин смотрела на нее, сдвинув тонкие бровки.

– Ты правда так думаешь? О, я верю, что у Грейсона богатый послужной список, но подозреваю, что там только пьяненькие дочурки трактирщиков, наивные пастушки, да, в лучшем случае, скучающие певички. Но ты... Я не думала, что ты обратишь на него внимание. Я понимаю, почему так неотразим был Айнар, ведь и ты наверняка подпала под его чары, не только я, как и многие другие, но что б так...

Геселин покачала головой, но не успела ответить – мужчина закончил ухаживать за лошадьми и присоединился к трапезе. Он точно так же, как до него Мидж, ухватил кусок, прожаренный, как ему показалось, и с видимым наслаждением целиком засунул в рот.

– Если хочешь знать, я не спала с Айнаром, – сказала Геселин, опустив голову. Она единственная не притронулась к еде, казалось, ее даже не волнует сочный аромат. – я любила другого. И из-за него подпала под проклятие, хотя думала, что это – дар.

Мидж вздрогнула. В другое время эти слова испортили бы ей аппетит.

– Я родилась и выросла в Атепатии, столице Эльзила. Вы знаете, это государство, исповедующее религию Уризена, Высшего разума, прославляющее систему, в которой у каждого – своя роль. Вы знаете, какая роль отводится женщинам? Будь красивой, отхвати муженька побогаче, потом – живи молча. И чем ты беднее, тем сильнее в тебя вдалбливается эта истина. Она прирастает к тебе, она покрывает тебя, как грязь, которой и без того много на твоих ногах до самых колен.

Геселин едва заметно дрожала, хоть и сидела к огню ближе всех.

– Мне повезло. Я попала на кухню к местному лорду. Это означало, что мне гарантированы, если я буду хорошо выполнять свою работу, кусок хлеба, крыша над головой, новый передник каждый день восславления Тириэля. Я должна была бы быть смиренна и благодарна, как того требует наша религия. Но я возгордилась и возжелала невозможного, как Лос², и как он же пала и извратилась. Я влюбилась в сына лорда, и захотела непременно привлечь его внимание.

Мидж и Грейсон слушали, затаив дыхание. Они не забыли разделить оставшиеся куски, но не спешили их есть, внимая спутнице.

– И тогда, на свою беду, я встретила Айнара. Прежде, чем пожар моего сердца угас, прежде, чем меня постигла главная благодать нашей религии – разум. Я думала, что если стану неотразимо красивой, как дамы с картин, висевших в гостиной лорда – неестественно бледные, с немислимым изломом бровей, с губами манящими, как мед, с глазами огромными и бездонными, с шеей такой изящной, какой не существует в природе... Я надеялась, что молодой Фрутберт обратит на меня внимание, если я стану красивей. Видит Высший, я не была уродиной! Но... Вы же понимаете, мой нынешний вид...

Мидж и Грейсон не знали, как их спутница выглядела прежде, но сейчас она была не просто прекрасна – хороша нечеловечески. Словно Высшая, вышедшая из облаков или пены морской.

² В данной главе используются множественные отсылки к мифологии Уильяма Блейка.

– Мы условились с Айнаром, что он зачарует меня так, что я буду не казаться – действительно стану потрясающе красивой. Цена тому – невелика. И побочный эффект... Тогда я подумала, что смогу обойтись без этого. – Геселин потребовалось сглотнуть, перевести дух, чтобы продолжать. – Что ж, я думаю, вам стоит знать, особенно тебе, экзорцистка: я стала прекрасна, но бесплодна. И именно это я просила тебя излечить своими заклинаниями.

Мидж округлила глаза. Она хотела сказать, что не уверена, помогают ли ее способности против чего-либо, кроме демонов, но тут Геселин вскочила, нервно засмеялась и, схватив Грейсона за испачканную жиром руку, потянула на себя:

– И теперь я намерена проверить, хорошо ли твое мастерство!

И они вдвоем направились к карете. Грейсон шел медленно, но даже не изображая, что он недоволен выпавшей на его долю честью. Геселин же дрожала от нетерпения. Мидж осталась у костра одна. Когда за ее спутниками закрылась дверца, экзорцистка качнула головой.

«Нет, я не хочу это слышать. Мне плевать на них обоих, но я не хочу их слушать.»

Она подхватила с расстеленного на земле одеяла свой меч и отошла на грань света, расширяемого костром. Глубоко вздохнула и начала отрабатывать фехтовальные приемы. Уже через минуту она полностью забыла о своих друзьях: тело вспоминало старую науку. Движение дарило радость. Для Мидж перестало существовать все, кроме ее самой и меча.

И все же, она одновременно следила, чтобы вокруг все оставалось неизменным. Она и тренировалась, и пребывала на вахте.

Как только дверь кареты открылась, Мидж мгновенно остановилась и спрятала меч в ножны, вернулась к костру.

Вышедший из повозки Грейсон сел у огня и закрыл глаза.

– Твоя вахта, – бросила ему девушка.

Когда Мидж проходила мимо него, Грейсон остановил ее, ухватив повыше колена. Улыбнулся, чувствуя под ладонью упругие, как твердый сыр, мышцы, поднял глаза, исследуя живот Мидж: не такой идеально-плоский, как у Геселин – сверху вниз идут две рельефные линии, выдающие пресс, над бедренными костями едва заметно бугрятся внутренние косые мышцы.

– Я видел, как ты тренировалась.

И заметил, что ты так выглядишь привлекательно. Мужчина подумал это, но не произнес вслух.

Грейсон подумал, что рядом с ним находятся две женщины, изумительно похожие на статуи айнианских Высших, что он некогда видел в Межевых землях: белокожая, чернобровая Геселин, узкая, тонкая, словно росчерк, с миндалевидными светлыми глазами, ярко-алыми от природы губами, словно Айфе, сама ночь, а также холодная, неприступная зима, и юная, свежая весна. И Мидж, крепкая, женственная в самом древнем смысле этого слова, темноглазая, с золотисто-рыжими, осенними волосами: как ясный день, как дикий зверь, как жаркое лето и плодоносная осень, похожая на статуи Айне. Грейсон никогда не видел полулиномок, подобных себе женщин, но подозревал, что они должны быть похожи на Мидж. Тогда как на полуципцу скорее походила изящная Геселин.

В прошлом Грейсон всегда выбирал таких, как Геселин – уризенианское общество превозносило их как красавиц, иметь таких дам в любовницах было престижно. И Геселин воистину была совершеннейшей из них, даже настолько, что захватывало дух, настолько, что казалась нереальной – словно выточенная из мрамора статуя, с идеальной фигурой без изъяна. Но однажды жизнь Грейсона изменилась, и теперь он предпочел бы Мидж – если ты силен, как линоорм, и даже больше, тебе нужна крепкая девушка, с которой вы будете терзать друг друга в постели, как двое псов, пока не насытитесь игрой.

– Пусти меня.

– Если тебе неприятно, можешь просто сбросить мою руку. – Грейсон сжал пальцы сильнее. – Ты ведь это можешь, не так ли? Оттолкни меня.

Мидж не шевельнулась.

– Что, я тебе нравлюсь? Ты в меня влюблена, поэтому не можешь?

– Нет. – Глаза девушки сузились. – Я в тебя не влюблена.

Да, мысленно согласился Грейсон, тут что-то другое. Другое. Но что?

– Если уж ты спрашиваешь, то сразу уясни, что и в перспективе я не намерена в тебя влюбляться. – Нос девушки презрительно наморщился. – Самой природе это было бы противно, змея и птица не сходятся в пару.

Грейсон рассмеялся. Слова Мидж не обидели его, не расстроили, но желание домогаться ее у него пропало. Пальцы разжались, ладонь стекла с ее ноги. Мидж отошла от Грейсона. У нее был выбор – остаться на открытом воздухе, в поле зрения Тигра, или идти в карету к Геселин, чтобы дышать воздухом, смешавшим испарения их с Грейсоном тел. И то, и другое было в равной степени неприятно Мидж. Она выбрала все же лечь спать под открытым небом: завернулась в плед на периферии зрения своего телохранителя, там, где проходила граница света. За спиной Мидж простиралась непроглядная тьма.

Глава 7

День умирал, как угольки в камине;
Лишь в небесах, в зеленоватой сини,
Дрожала утомленная луна,
Как раковина хрупкая, бледна,
Источенная времени волнами.
Уильям Батлер Йейтс, «Проклятие Адама»

На следующий день они продолжили путь, как и прежде. До города оставалось всего ничего, и в дороге предстояло провести считанные часы. Грейсон все так же сидел на козлах, правя лошаадьми, Геселин отдыхала в карете, отодвинув занавеску и глядя наружу. Мидж скакала верхом на Ясене то позади, то обгоняя повозку. Она старалась не оказываться вровень ни с одним из своих спутников.

Но когда они подъезжали к городу, Мидж послала Ясеня легкой рысью, и поравнялась с окном, из которого виднелись голова и локоть Геселин.

– Так ты соврала мне? – аристократка лукаво прищурилась, рассматривая Мидж.

– О чем ты?

– Ты нас избегаешь. Грейсон все-таки тебе нравится.

Мидж повернула голову, взглянула на Геселин сверху вниз.

– Нет. Дело не в этом. Ты, кстати, разве не должна прятаться от солнца, чтобы загар не нарушил твою идеальную красоту?

Геселин убрала руку и голову под сень кареты, но не задернула шторку.

– Нет. Моя красота не подвержена никакому воздействию. Я даже намного старше, чем выгляжу. Такое уж свойство колдовства Айнара, прокляни Айне его душу, и Уризен сверху добавь посылнее.

Мидж напряглась, спина ее невольно выпрямилась. Но это движение ее и успокоило: тело приятно ныло после вечерних упражнений, ощущения напоминали ей о прошлом, когда тренировки входили в ее ежедневный распорядок. Скоро, очень скоро, она вернет себе прежнюю форму, нарастит былые мышцы, и это избавит ее надобности постоянно держаться Грейсона, хотя бы во время мелких вылазок – ночью, например.

Геселин будто прочла все эти мысли по лицу спутницы.

– А, поняла. Не Грейсон тебя волнует, а Айнар. Ты ревнуешь меня к нему. К прошлому. Но расслабься, говорю же, мы не спали.

Мидж искоса глянула на аристократку, не поворачивая головы.

– Откуда мне знать, что ты не врешь?

– Мера за меру. Как только ты начнешь доверять нам, чтобы честно рассказать про свое прошлое, тогда и мы с Грейсоном тебе доверимся тоже. Пока что я не вижу ничего и близко похожего на доверие. – Геселин вздохнула. – Ты отличаешься от нас. И я, и Грейсон прокляты, это легко почувствовать на интуитивном уровне. А ты – одарена. Твоя магия экзорциста – благодать. Ты словно с другого полюса, нежели мы. Но нам нужен твой дар, нужна твоя информация об Айнаре, чтобы исцелиться.

Не отвечая, Мидж послала Ясеня вперед. Грейсон смотрел ей вслед. Как и у всех линормов, у него был очень тонкий слух.

Благодаря деньгам Геселин, путники смогли расположиться в самой лучшей гостинице города. Мидж покривила бы душой, если б сказала, что ей не нравится, и все же, она заметила:

– Рано или поздно деньги закончатся.

– Да. Надеюсь, наши жизни не закончатся раньше, – сказал Грейсон. Мидж посмотрела на него, подняв бровь. На этом разногласия по поводу выбора места проживания были закончены.

Вечером трио собралось у камина, чтобы закончить разговор с прошлой ночи. Геселин сидела в кресле боком, отвернувшись от огня и своих собеседников: она передумала рассказывать дальше. Но чувствовала, что должна это сделать. И пути назад нет.

Мидж поджала под себя ноги, свернувшись на втором кресле. Тело ее пело: сытое, натруженное энергичными упражнениями с мечом. На ладонях под тремя последними пальцами вспухали мозоли от оружия, и это полузабытое ощущение, прежде раздражавшее Мидж, ныне ее успокаивало.

Грейсон сидел на корточках у самой решетки камина, грея руки, спиной к обоим спутницам.

– Ты обещала закончить, – сказал Грейсон, не оборачиваясь. – Так дорасскажи, принцесса. Мы ждем.

Геселин не ответила. Мидж двинула плечом, уютнее устраивая его в выемке между спинкой и подлокотником.

– Ты сама говорила о доверии.

– Что ж, ладно. – Геселин повернулась к огню, и отблески на ее щеках смешались с румянцем. – Слушайте. Юный лорд Фрутберт сделал меня своей любовницей. Я мечтала об этом, и потому почувствовала себя счастливой, когда, наконец, добилась своего. Дура, дура, дура!

Девушка закусила палец на сгибе, сдерживая нервную дрожь. Всхлипнув, она продолжила:

– Несколько месяцев все действительно было хорошо. Но моя колдовская красота заставила Фрутберта желать нашей свадьбы. Его отец был против. Сперва – потому, что считал меня не ровней сыну. Но после, увидев меня, старик воспылил страстью к служанке, которую еще утром хулил, на чем свет стоит. Он воспользовался моей слабостью и своей властью: и взял меня силой.

Мидж медленно поднялась с кресла, побледнев. Она сделала Грейсону знак, намекая, чтобы тот ушел, однако мужчина не двинулся с места.

– Фрутберт был в гневе. При помощи моей красоты, я убедила его, что невиновна, и все же, отца... отца он отравил. Из мести и практических соображений одновременно. И мы наконец могли бы пожениться. Я была готова забыть весь этот ужас, и тут оказалось, я пробыла с Фрутбертом рядом слишком долго. Даже колдовская красота надоедает. Я была для него всего лишь игрушкой, очаровательной вещью. Он хотел детей – я не могла их ему дать. И юный лорд понял, что ему досталась милая, но бракованная штучка. Он женился на дебилой купчихе, мгновенно вздувшейся от его стараний. Но Фрутберту было мало нанести мне такую сердечную рану. Он запер меня в замке, не желая терять, и продолжал пользоваться моим телом, когда захотел.

Наконец, Грейсон понял, что его присутствие неуместно. Они с Мидж вынудили Геселин вынуть из тайников памяти ужасающие вещи – она страдала по их прихоти. Грейсон почувствовал себя ничем не лучше молодого лорда, измывавшегося над красавицей. Полулинонорм встал и как можно бесшумнее (при его росте и весе это было проблематично) покинул комнату. А Мидж подошла к Геселин, обняла ее и прижала к себе. Какое-то время они так провели, замерев, пока Геселин не перестала тяжело дышать, на грани с рыданиями, а ее разгоряченный лоб, притиснутый к шее Мидж, не остыл.

– Ты снова меня лечишь, малышка, – шепнула красавица, мягко отстраняя от себя Мидж. Та выпрямилась, виновато глядя на спутницу.

– Прости, я не знала, что все так плохо. Я не хотела сделать тебе больно.

Геселин откинулась на спинку кресла. Она уже пришла в себя, и даже больше того – губы ее изгибались в ухмылке.

– Зато теперь ты уже не можешь не доверять мне. Я была с тобой искренна – и если только таков путь к твоему расположению, цена невысока.

– Не понимаю. Зачем тебе мое расположение? Если ты жаждешь исцеления, я сделала все, что могла. И ради этого не было обязательно...

Геселин поднялась плавным змеиным движением.

– У всех нас троих – одна цель, даже если ты еще этого не уразумела. И нам нужно быть убежденными что мы не всадим друг другу в спину нож. Ты платишь Грейсону, и это дает тебе немного уверенности в нем. А что остается мне? Я больше не доверяю силе своей красоты. Вот поэтому я хочу снять заклятие Айнара. Избавиться от этой дурацкой привлекательности и родить ребенка. Только ребенок будет тебя по-настоящему любить, мужчины – нет, никогда. Они называют это любовью, для них любовь – это похоть и жадность. Они хотят обладать тобой, но это все, ничего более в их мыслях нет.

– Ты так мудро говоришь... – Мидж восхищенно покачала головой.

– О нет, я не мудра. – Геселин со смешком махнула рукой. – Я знаю, где прячется истинное знание, я касалась его, образно говоря, кончиком пальца, но протянуть руку и схватить его целиком мне страшно. Это переменит всю мою жизнь, возможно, в ней будет меньше радостей – еще меньше, ты понимаешь? А я хочу немного сладкой лжи для моего маленького израненного сердечка, оно это заслужило.

Вдруг Геселин шагнула к Мидж и, покачав головой, вполголоса произнесла:

– Но ты права, я знаю об этой жизни и ее хитростях много больше тебя. Хотя страдаю меньше. Я сочувствую тебе – ты похожа на меня прежнюю. Я бы хотела, чтобы и ты переросла это состояние.

Мидж покачала головой, глядя в пол.

– Ты ошибаешься. Айнар...

– Не сейчас. – Геселин упреждающе махнула рукой. – Подозреваю, что ты можешь сказать. Разлюби его, девочка, я знаю этого человека. Ищи его не для этого.

– Я и... и не... – Мидж тряхнула волосами. – Он сказал, что все кончено, и я это знаю. Я приняла это.

– Так переспи с кем-нибудь! Попробуй соблазнить Грейсона, например. – Аристократка прыснула в кулак. – Нет смысла хранить верность, лапочка, все равно ни один мужчина в эти игры моногамности не играет. Тем более, если, как говоришь, между тобой и Айнаром все кончено.

– Я не хочу размениваться по пустякам. У меня есть цель, которой ничто не должно помешать. Любовь только все усложнит.

– А кто говорит о любви?

Геселин подалась вперед, ухмыляясь:

– Тебе надо бы не зажиматься как раз, а начать бесстыдно трахаться. Пойми, до тех пор, пока ты преподносишь мужику свое тело как подарок, он будет воспринимать тебя, как вещь. Относись к ним так же – как к предметам, приносящим удовольствие. Им самим, а не их деньгам и титулам, только не путай, иначе возникнет соблазн обменять себя на уют и комфорт. – Лицо красавицы на миг стало решительным, воинственным. – Если позволишь, они выпьют тебя до дна и выбросят за ненадобностью. Решай сама, с кем лечь, и каждого, кто не доставил тебе удовольствие, гони из постели прочь.

Мидж не знала, что ответить на эту гневную отповедь. Лицо ее пылало так, что экзорцистка боролась с желанием броситься вон из гостиницы на воздух, чтобы остудить щеки.

– Не надо так на меня смотреть, девочка, я говорю то, что познала на собственном опыте. – Геселин усмехнулась, еще более дерзко, чем прежде. – Ничто не сделает тебя такой свободной, как равнодушие к сексу. Ни деньги, ни власть – только пресыщение мужскими отроутками освободит твою жизнь для самой себя.

– И с этим девизом ты живешь?

– Я родилась среди уризениан, которые порицают все плотское. Айнар сделал для меня только одно благое дело – позволил принять айнианство. И я решила жить, как Айфе.

Мидж, напротив, родилась в айнианской стране. В семнадцать же лет ее упекли в уризенианский монастырь по настоянию отца, строгого бунтаря, если то и другое вовсе может быть совместимо в одном человеке. Впрочем, чем это хуже, чем быть и айнианкой, и уризенианкой разом? Или наполовину? И Мидж, и Геселин, похоже, были – в разных пропорциях, в разных аспектах.

– Но ты же... любишь флирт, как мне кажется?

Геселин обернулась на тусклое зеркало, висевшее на ближайшей стене, повела белым плечом, улыбаясь собственному отражению: хорошенькая! Глаза заблестели, щеки заалели, совершенная красавица!

– Да, признаю. Я люблю мужчин, люблю секс, но это как вино. Выпить бокал за обедом – полезно для здоровья, но испытывать болезненную тягу и не иметь сил остановиться... Ты знаешь. Это дурно для организма.

– Кажется, понимаю. – Потупилась Мидж.

Пальцы Геселин пробежались по подбородку собеседницы.

– Я могла бы предложить тебе другой путь, но ты не из тех женщин...

– Кто спит с другими женщинами? – Мидж подняла плечо, защищаясь от рук Геселин.

Брюнетка усмехнулась – совсем не обиженно.

– Кто выбирает, думая о поле. Ты из тех, кто любит сердцем и – сердца, не тела. Таким людям сложнее всего всегда. Бедняжки.

Мидж отшагнула назад.

– Я любила только однажды. И мне не понравилось.

– Ого-го! Так нашей рыжей скромнице тоже есть, что скрывать? – Ясные глаза фальшивой аристократки светились лукавством. – Если все так, как ты намекаешь, тебе очень повезло, что ты встретила Айнара, пока была столь молода.

Мидж в ответ на такие слова округлила глаза. Щеки ее покраснели от непонимания, разгорающейся злости и досады. Но ее старшая подруга тотчас пояснила:

– Ты не понимаешь еще, какое это благо – быть циничной, разбив свои розовые очки. Как хорошо с младых ногтей уметь рвать «любовь» – то, что вы так называете – разом, с плеча, как старую тряпку. Твоя жизнь из-за Айнара еще будет счастливей, чем ты думаешь.

Больше они не сказали друг другу ни слова, разойдясь по разным комнатам.

Мидж спала плохо. Из-за тренировок прошлым вечером, после которых она провела больше половины дня в седле, мышцы на внутренней стороне бедра у нее свело так, что невозможно было перевернуться с боку на бок, не проснувшись от боли. Девушка пребывала на грани сна и дремы, то и дело дергаясь от спазмов в ногах. Но до конца она не просыпалась. Мысли ее потекли быстрее, не так сумбурно, как обычно бывает во сне.

В три часа ночи Мидж резко распахнула глаза. В кошмаре она только что захлебывалась криком, и теперь, проснувшись, почувствовала, как бьет по ушам тишина. Девушка села на постели, посмотрела в окно: луна нарывом набрякла на темном небе. Вдалеке часовая башня начала отмерять время: бом-бом-бом.

– О, святое древо, о, Высшие, я вспомнила, – прошептала Мидж вслух, чтобы услышать хоть что-то. Она лукавила сама с собой: гнала от себя мысль, воображая, что не может ее вызвать из памяти, хоть очень в этом нуждается. Но сон сказал ей: не лги. Вот тот, кого ты так хочешь забыть. Вот тот, кого ты жаждешь настичь на одной из дорог, по которым блуждала последние пять лет.

Нужно было вернуться в городок, который они только что оставили. Два дня пути – и Грейсона на это дело лучше не брать, подумала Мидж. Готова ли она рискнуть своей жизнью?

«Да, о да. Потому что иначе ее сохранение не имеет смысла.»

Девушка надела плащ и маску. Она объединилась с Геселин и Грейсоном совсем недавно, но теперь была уверена, что сделала неверный выбор. Геселин вызывала сочувствие, однако ее пламенная речь минувшим вечером... Она винила в своих бедах Айнара. Она была готова мстить ему. Мидж же – нет.

Еще недавно ей казалось, то так будет правильной, и вот теперь самое ее естество протестовало против этого. Что ж, в чем-то Геселин оказалась права. Мидж ревновала, думая о том, что могло быть между нею и Айнаром: до проклятия красоты или же после. А там, где ревность, там и любовь.

Уже спустившись по лестнице на первый этаж гостиницы, у двери Мидж бросила мимо-летний взгляд в треснутое зеркало. Да, ростом она не вышла, но из-под тьмы капюшона на нее действительно, казалось, смотрела не она – а Айнар.

Тот, кого она искала.

Однако выйти на двор девушка не успела. Дверь распахнулась прямо перед ней, едва не ударив по носу, и девушка отшатнулась. В коридор вошел Грейсон.

– И куда ты собралась в одиночестве? Снова?

Рука Грейсона преградила Мидж путь. Он сделал столь резкое движение, что ладонь вмялась в стену, оцетинив ту щепками.

– Я не надзиратель, Мидж, я не могу запретить тебе уходить. Но я твой телохранитель, так что у меня есть и будут обязанности. Одна из них – обеспечивать твою безопасность. Значит, я пойду с тобой.

Мидж покачала головой. Ее побег откладывался.

– Я... Я хотела сходить в святилище за списком одержимых, – промямлила она.

Грейсон то ли галантно, то ли издевательски предложил ей локоть.

Глава 8

– Стар, а каково твое определение греха?

– А разве их несколько? Грех – это жестокость, несправедливость, все остальное – пустяки. О, понятие греха идет от нарушения обычаев твоего племени. Но нарушение обычая – не есть грех, даже если ощущается как таковой. Грех – причинение вреда другому человеку.

Роберт Хайнлайн, «Дорога доблести»

После завтрака Мидж и Грейсон собрались идти в святилище. У Геселин нашлась старая карта городка, которую она одолжила спутникам на день. Сама лже-аристократка предпочла остаться в гостинице. Когда Грейсон и Мидж уходили, она лежала на кушетке, полируя ногти.

– Если встретите Айнара, дайте мне знать, – хихикнула брюнетка.

Мидж не стала намекать, что такое развитие событий действительно возможно. Покинув гостиницу, экзорцистка еще какое-то время размышляла о своей спутнице. Мидж ощущала душевную рану Геселин как свою собственную.

День в городе и день в полях ощущались по-разному. Голая земля сохраняла наутро прохладу суровой ночи, и от земли поднимался легкий туман, не простиравшийся выше пояса. Запахов в полях было меньше – травы, цветы, иногда – вонь растерзанной гиенами жертвы. В городе все было иначе. Мостовые быстро прогревались, к полудню накаляясь так, что босиком невозможно пройти. Впрочем, тут и там сновали необутые служанки, как видела Мидж – то ли черная грязь, налипшая на их ступни до щиколоток, хранила ноги от ожогов, то ли кожа их пяток огрубела настолько, что можно было ходить по неостывшим углям, не то что по дорогам городка. Пахло сильнее и разнообразнее, чем вне городских стен: кто-то готовил обед, кто-то выпекал ароматный хлеб, терпко и уютно пахли лошади, тащившие телеги и кареты, везущие всадников; издалека ветер вплетал в этот хор запахов флюиды красильни и мясной лавки – не самое приятное дополнение.

Молодые люди шли по улице, сверяясь с картой. Мидж тяготило молчание, и она попробовала завести разговор. На свою беду, как оказалось.

– Грейсон, я хотела с тобой поговорить. Ты и Геселин... в общем, я не то что б беспокоюсь за нее.

Грейсон замедлил шаг, чтобы поравняться с напарницей – прежде он шел чуть впереди.

– Боишься, что я влюблюсь в нее, как тот Фрутберт или его папашка? Не глупи. Она красива, но я красивых повидал на этом свете. Пусть колдовство сделало ее самой очаровательной, мне явно не это нужно.

Мидж побледнела. Грейсон говорил именно то, чего она опасалась. Геселин не нужен еще один бессовестный любовник, который воспользуется ею и выбросит после, потешив свое самолюбие и утолив похоть.

– Геселин хочет казаться сильнее, чем она есть на самом деле. Она ранимая в душе, понимаешь? Ей пришлось пережить такое, чего ты и вообразить себе не можешь.

Разозлившись, Мидж обогнала Грейсона на добрых четыре фута. Какие-то молодые бездельники, сидящие на заборе, заулюлюкали, засвистели ей вслед, принялись кричать сальности – и тогда Грейсон сделал большой шаг, догоняя девушку. Парни мгновенно замолкли и скатились со своего насеста, напуганные линормьей внешностью Тигра: темная кожа, нечеловеческие глаза, внушительные мышцы. Но Мидж не придала случившемуся значения, поглощенная своими мыслями.

– Не трать свое красноречие, птичка. Не хочу я лезть в чужие беды. Вы еще со вчерашнего вечера болтали про изнасилование – ну, знаешь, эти все женские проблемы. Мужчинам не стоит об этом слушать.

Мидж резко развернулась, так что каблуки ее взметнули пыль на дороге.

– Женские проблемы?! Да ты в своем уме?! Ты говоришь так, будто не мужчины насилуют женщин. Может быть, где-то существует и такое, уризенские слухи говорят о том, что некие дамы пали жертвой демонов, других женщин или, прости меня Айне, зверей, но, даже если эти рассказы – правда, это капля в море. Так что не смей говорить так, будто мужчины не при чем.

– Я... – Грейсон запнулся. Он не привык отказываться от своих слов, тем более, не собиравшись отступить перед девчонкой, которая без него была бы беспомощна. – Можно подумать, изнасилование – такая страшная проблема.

– Демон побери, ты шутишь? Поверить не могу, что наняла тебя, рассчитывая, что ты не потерпишь никакой несправедливости рядом с собой, встанешь на защиту слабого... и...

Девушка зажала рот рукой, отвернулась. Ее голос из-за стены ладони звучал глухо:

– Нет, я понимаю, глупо. Но ты не знаешь... Не знаешь, каково это – смотреть на терзаемую женщину.

Грейсон внезапно почувствовал жаркую волну стыда, окатившую его с ног до головы.

– А ты знаешь? – Он хотел спросить это мягко, но получилось грубее, чем он собирался сказать, в голосе ненамеренно слышалась насмешка. Которой там быть не должно было.

У Мидж опустились плечи, руки повисли как плети. Она вздохнула и сказала очень устало:

– Да, я видела. Это было в самом начале моего путешествия. Я тогда еще не считала, что мне стоит найти Айнара. Вот, думала я, отныне я творю благое дело, буду спасать людей от демонов. Я могущественна, я добродетельна, я... А оказалось... – Мидж быстрым движением потерла глаза, чтобы слезы не выступили. – Я видела, как прямо на улице разбойник насилует женщину. Это был праздничный день, базарная площадь, должно быть, мужчина напился, и схватил ближайшую торговку. Они возились под прилавком. И никому не было до того дела. Все проходили мимо, никто даже не замедлил шага.

– Но с чего ты взяла, что он ее насилует? Разве она отбивалась? Может быть, это был ее муж?

Девушка занесла руку, готовая ударить Грейсона, но опустила ее, хлопнув саму себя по бедру.

– Уму непостижимо, какой ты болван. Она слабо ворочалась, будто желая уползти, но он ей не давал и двинуться. Думаю, я на ее месте вовсе бы застыла. Впрочем, я и на своем так поступила. – Голос Мидж охрип от рыданий, которые она глушила в себе. – Видит Айне, я хотела помочь. Но я струсил. Что я могла сделать? Только вызвать огонь на себя. Надо было кого-нибудь позвать, стражу, например, только я не смогла. Сейчас думаю, это все равно бы не возымело эффекта. Они бы просто послали меня, куда солнце не светит. Никому нет дела до страдания простых людей, не аристократов.

Грейсон открыл от изумления рот. До него начало доходить.

– Ты не можешь навредить людям. Ты бы не ударила того разбойника.

– Да. Как Геселин заплатила бесплодием за свой дар, так и заплатила – беспомощностью. Вот каковы условия нашей сделки с Айнаром. – Мидж потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что она стиснула кулаки. Так, что даже пальцы заныли. – Он дает дар, не приносящий радости, еще и забирает что-то взамен.

Грейсон стоял, пытаясь совладать с мыслями: они вились в его голове, точно испуганные бабочки, он не мог ни ухватить одну из них, ни даже рассмотреть как следует.

Мидж горько хмыкнула.

– Ты бы знал, какая буря чувств в груди, когда видишь мучимого человека, и не в силах помочь.

Грейсон взял Мидж за плечо. Ему хотелось провести ладонью по ее лицу со всей нежностью, что он бы собрал в себе, но мужчина сдержался.

– Ты не была обязана помогать незнакомой женщине.

– Была.

Мидж двинулась вперед, и Грейсон уже во второй раз со времени их знакомства почувствовал, что не имеет права ее задерживать. Он был поражен историей девушки. Мидж в мгновение ока предстала перед ним совсем не такой, как он думал о ней, и это выбило Грейсона из колеи. Он начал привыкать к той Мидж, какой она ему казалась, и вот теперь – он понял, что девушка рядом с ним совсем иная, нежели он воображал.

– Я не могу причинить вред никому из существ, обладающих душой, – сказала Мидж, когда они снова пошли рядом. – Конечно, работать так проще – я могу действовать самой сильной магией, не боясь, что вместе с демоном поврежу пациента. Но жизнь это значительно усложняет. Я не могу помочь тем, кто страдает физически, не могу защитить сама себя.

– Я буду защищать тебя. – Грейсон прижал руку к груди, словно клянясь. – Даже если не получу ту плату, на которую рассчитываю. Ты благородная женщина, и для меня честь стать твоим соратником.

Мидж споткнулась от неожиданности и посмотрела Грейсону в лицо, повернув голову. Ее зрачки подрагивали, вглядываясь в глаза спутника. Девушке хотелось одновременно продолжать так стоять, и вместе с тем – отбежать, разорвать зрительный контакт. Потому что она чувствовала, что настала та редкая минута, когда судьбы связываются узлом. Такой миг – величайшая ценность. И в то же время, за него, быть может, придется жестоким образом заплатить. И слава Айне, если всего лишь убийством одного-единственного демона. В минуты, подобные этой, грань между миром людей и демонов истончается. Приобретя друга, с которым вы связаны душами, одновременно можно впустить в мир целую орду демонов.

И Мидж наконец отвернулась, надеясь, что они с Грейсоном все еще могут идти по разным дорогам жизни. И его клятва, сказанная с таким чувством, что превратилась в магическую формулу, не пригласила в мир людей какое-нибудь древнее зло.

– Нам нужно идти в храм. Поторопимся.

Увлеченная разговором, Мидж и не подумала взглянуть наверх. И потому только на самых подходах к месту расположения святилища поняла, что не видела кроны дерева, возвышающегося над домами. Но ведь карта не могла соврать? Девушка достала пергамент из сумки на поясе, всмотрелась в блеклые линии: нет, карта слишком старая, чтобы подумать, что дерево еще не успело достаточно вырасти. Несмотря на воспитание, в душе Мидж чувствовала себя айнианкой чуть более, чем многие иные, и потому сердце ее сжал страх. Слушая подсказку своей интуиции, она застыла на месте, догадавшись, что не хочет видеть то, что может быть на месте святилища. Однако Грейсон тянул ее за руку, и Мидж неохотно пошла. Она не хотела видеть – но была должна.

И ее худшие страхи оправдались. Когда молодые люди свернули за угол дома, вместо святилища их взорам предстали руины. Мидж охнула и опустилась на колени, чувствуя, что от переполнявших сердце чувств ее не держат ноги. Впервые в жизни – даже в самые страшные минуты с ней не случалось такой умопомрачающей слабости.

– О, Святое Древо...

На одной из мраморных плит пола, расколовшейся надвое, узор складывался в силуэт летящей птицы. В другой раз Мидж подумала бы, что это хорошее предзнаменование. Не сегодня. Теперь образ раскинутых в свободном полете крыл означал только насмешку высших сил.

Грейсон не испытал такого же горя, как Мидж, и потому без трепета приблизился к руинам. Шевельнул ногой один камень, взял в руки другой, осмотрел.

– Слом довольно свежий. Смотри, пень от дерева еще блестит от сока. Святилище разрушили незадолго до нашего прибытия в город.

Мидж молча поднялась на ноги. От волны страха, прошившей ее от макушки до пят, у девушки отнялся голос. Она уже не понаслышке знала, что в межевых землях война между уризенианами и айнианами куда непримиримей, чем в цивилизованных городах. И уризениане, разумеется, тут имеют больше власти и сил. На их стороне целые армии наемников, они не гнушаются ничем ради выполнения своих целей.

Мидж хотела было уже сказать, что им было бы лучше убраться подобру-поздорову, но не смогла: она медленно двигалась по самым чистым плитам пола, оставшимся нетронутыми. Будь она наблюдательней, позднее корила себя девушка, догадалась бы, что к чему, еще раньше – только одна плита была совершенно целой и не покрытой каменной пылью. На нее экзорцистка по ошибке и ступила. Тотчас же вспыхнул на миг зеленоватый свет: круг с рунами, захвативший девушку в плен. Мидж замерла, не в силах двинуть даже глазами.

Грейсон стоял у нее за спиной. Он не видел, что его спутница осталась неестественно неподвижна.

– Ты нашла что-то интересное? Что там?

«Нет, не приближайся!» – мысленно орала Мидж, но губы ее не двигались, скованные магией. Голос Грейсона звучал уже над самым ее ухом.

Когда он встал прямо за ней, рунический парализующий круг вспыхнул второй раз. Теперь уже оба путника оказались в ловушке. Мидж не успела подумать, стоит ли рассчитывать на помощь со стороны Геселин, и если да – насколько скорую. Пол рассыпался трухой, словно плита-ловушка была сделана из соломы, не из мрамора, и Грейсон с Мидж полетели в глубокую яму. Грейсон столкнулся с полом первым. Мидж, более легкая по весу, приземлилась прямо на него. Но они летели с огромной высоты – и оба потеряли сознание.

Глава 9

Капризы, танцы, выходки поэтов!

А Церковь и король в пренебрежении.

Уильям Батлер Йейтс, «На королевском пороге»

Мидж пришла в себя. Сразу открыть глаза не получилось – слезы склеили ресницы, и девушка дернулась, желая потереть лицо. Но ей это не удалось: руки были связаны. И не веревкой, цепью. Возможно, даже зачарованной. Мидж замерла, вся обратившись в слух: рядом с ней кто-то был. Слышался разговор двух мужчин.

– Что пленник?

– Молчит. В том смысле, что не говорит ничего полезного. А так – мы заткнуть его не можем, он бранится так грязно, что даже сержант краснеет, не то что я.

Раздался звук скептического смешка.

– Попробуйте раскалить инструменты.

Затем настала недолгая тишина. Простучали по полу каблуки подбитых железом сапог.

– Не пришла ли пора взяться за рыжую красавицу?

Мидж окатили ледяной водой. Девушка зажмурилась, позволяя ресницам расклеиться. Но все равно – глаза открывать оказалось больно. От света еще и голова начала гудеть. Но, по крайней мере, Мидж не мутило – что означало, что все не так плохо. Могло быть много хуже. Мидж не успела осмотреться, как следует, только бросила пару беглых взглядов направо, налево: полутемная комната, с одним только протянувшимся по засоренному полу солнечным лучом едва ли в локоть шириной, на окнах – решетки, мутное дешевое стекло, и, не считая стула, на котором она сидела – никакой мебели в пределах ее зрения. Где-то вверху за левым плечом гудит бестолковая муха, метаясь по кругу.

Перед пленницей стояли двое мужчин, по одежде которых прекрасно определялся род их занятий. На одном, постарше, с проседью в висках, была тусклая кираса. Зазубрин на нагруднике набралось столько, что знаки Уризена – книга и циркуль – едва угадывались. Но Мидж знала, что они там есть. Ближе к ней, ровно в золотящемся пылью луче света, стоял с пустым ведром в руках рыцарь помоложе. Он явно начал бриться совсем недавно – юноша, еще младше Мидж. К тому же, симпатичный. В других обстоятельствах она бы ему улыбнулась.

– Итак, посмотрим-ка, что за цветочек мы сорвали на языческом дворе!

Две пары глаз окинули ее пристальными взглядами: снизу вверх, затем сверху вниз. Рыцарь постарше оказался более наблюдательным.

– Любопытно. Рисунок с птицей на твоём теле, маска птицы... Ты экзорцист? Не просто язычница, а еще и еретичка, мешающая справедливейшему судилищу Высшего нашего Уризена?

Мидж фыркнула, и, прежде чем сообразила, что стоило бы прикусить язычок, выпалила:

– Я следую своему пути! А дать людям умирать, будучи одержимыми или разорванными изнутри демонами – не благое деяние. Все наше племя не для того спускалось с небес и учило людей экзорцизму, чтобы невежи вроде вас позволяли мучительные смерти во славу какого-то ложного Высшего!

– Так она полуцунцу!

– Нет, не на половину, только на четверть – иначе у нее были бы крылья, пусть и небольшие. – Рыцарь постарше подошел к Мидж, нагнулся над ней, изучая. – И мордочка посмазливей. Значит, нечего с ней возиться. Цунцу – не люди. Они животные. Если дуреха не пойдет на контакт, прирежь ее, капитан.

– Да, сэр.

Юноша встал рядом. Он смотрел на пленницу широко раскрытыми глазами: в его взоре читались и ненависть, старательно внушенная строгой религией, и интерес – очевидно, парнишка никогда не видел прежде цунцу. И еще – вождление. Последнее немало напугало Мидж. В отличие от старшего воина, желторотый капитан не побрезгует воспользоваться ситуацией.

– Прочь руки! – Мидж отвернулась, хватая ртом воздух и стараясь скрыть дрожь ужаса. – Если в Эльзиле я была бы полностью в вашей власти, то здесь, в Межевых землях, у вас нет таких прав! Я экзорцистка, и каждый должен оказывать мне содействие! Таково соглашение между Мелуккадом, Эльзилем и Бралентией!

– Вот уж не думал, что в наши сети попадет такая птичка! – Старый рыцарь засмеялся собственной шутке. – Только ты промахнулась, дурочка. Знаешь ли ты, где находишься? В городе под названием Гэплл. И правит тут лорд Джеффкин. Он ненавидит айнианцев. Капитан! Заставь эту суку посмотреть тебе в глаза.

Молодой рыцарь сжал подбородок Мидж пальцами, и она повиновалась его движению – взглянула на него прямо, с вызовом. Страх и смущение капитана прошли, он осмелел, почувствовав, что девушка и впрямь полностью в его власти.

– Знаешь, сладкая, как называют у нас таких, как вы? Айнианок? Веселые шлюхи. Всем известно, что айнианки трахаются с кем попало.

– Айнианки спят только с теми, кто их достоин и кого они сами выбирают, – промычала Мидж. Пальцы рыцаря мешали ей говорить внятно. – А Вас, наверное, и коза не одарила своим вниманием.

– Ах ты дрянь! – Капитан хлестнул девушку по щеке, да так мощно, что потерял золотой наруч – он покатился по полу, брэнча. Было больно, и в голове у нее зазвенело, но Мидж только рассмеялась. Ее не раз били сильнее, это – так, шлепок котенка. – Я думал, все экзорцисты – смиренные, а у тебя язык, как грязное помело!

– Нет, смиренны только ваши несчастные рабы. А наша земля никогда не покорится вашей ущербной религии!

Молодой рыцарь замахнулся, но помедлил, прежде чем опустить кулак – не хотел испортить личика девушки прежде, чем насладится ею. В том, что после он найдет удовольствие, изуродуя ее, Мидж не сомневалась. Но секундная заминка позволила ей заметить татуировку на запястье юноши.

– Что я вижу, капитан? – Волосы упали на лоб Мидж, она смотрела из тьмы под их путаницей, так что выглядела, словно злая нимфа из детских сказок. – На Вашей руке – паук... Знак той самой религии, которую Вы только что проклинали!

Рыцарь вздрогнул, глянул на напарника, опасаясь, что тот успел заметить татуировку.

– Вы скрываете его. Ведь как признаться, что был айнианином, но предал свою веру, а? Что же Вас так в ней не устроило, что Вы перешли в уризенанство?

– Известно что, слишком нахальные шлюшки! – рявкнул старший рыцарь. – Капитан ошибался семнадцать лет, но ему хватило ума перейти в истинную веру. Кончай с ней, парень. Эта кретинка не скажет нам ничего полезного. Кичится своим кощунственным званием, будто оно спасет ее. Делай с ней, что хочешь, только побыстрее. Нам еще нужно заняться здоровьем, сержант там в одиночку явно не справится.

Мидж снова ощутила прикосновение влажных пальцев молодого рыцаря. Он сжал ее шею, заставляя запрокинуть голову.

– Умоляй меня, – ощерился рыцарь.

Мидж похолодела. Во-первых, она терпеть не могла просить. Во-вторых, она поняла: дело не просто плохо, а предельно катастрофично. Ее убьют в любом случае, только сперва поиздеваются. И одна Айне ведает, как. Впрочем, должно быть, пытки состоят в ведении Айфе, злой ипостаси Всевысшей.

– Ну!

Нет, этого просто не может быть! Мидж не могла поверить. Беды всегда обходили ее стороной. Она была беззащитна долгие годы, но с ней ни разу не случилось ничего плохого – а теперь она, видимо, вышла, как говорится, из-под сени Святого Древа. Благословение Айне покинуло ее.

– Хочешь умереть молча? Что ж...

– Пожалуйста, не надо, – промямлила Мидж. Если б от страха у нее не застыли затылок и не отнимались руки, она бы сторежала со стыда. Но одной секунды понять, что все взаправду, хватило, чтобы перешибить все прочие чувства. – Прошу, не убивайте меня.

Капитан засмеялся, довольный. От возбуждения слюна в его рту забулькала, брызжа на Мидж. Ничего привлекательного в его внешности больше не осталось: голубые глаза горели жаждой крови.

– Еще!

Но больше ничего капитан не услышал. Окно разбилось – рыцари успели только обернуться и раскрыть рты. И в следующий миг оба рухнули на грязный пол, хрипя. А между ними спиной к пленнице стоял высокий стройный юноша в черном. Два крохотных кинжальчика, которые и назвать-то так было трудно, торчали в горлах и первого, и второго уризенянина. Убийца дождался, пока бульканье в горлах его жертв стихнет, и по очереди освободил их от своего оружия. Вытер кровь о штаны капитана, помедлив несколько мгновений – должно быть, боролся с брезгливостью. Не всякая ткань достойна касаться благородного оружия.

Все это время Мидж поражено молчала, не в силах расслабить брови, изумленно изломившиеся дугами на лбу.

Наконец, ее неожиданный спаситель обернулся. На нем была птичья маска – точно такая же, что болталась на ее поясе.

– Встретимся в таверне «Оседланный олень». Ты свободна.

Мидж не успела глазом моргнуть – на самом деле, буквально это сделать, – как юноша оказался у нее за спиной. И так же быстро она ощутила, что ее руки больше не скованы цепью.

– Я буду ждать тебя там сегодня и завтра на закате. Но после – уеду.

Мидж обернулась, однако позади нее уже никого не было. Она могла поклясться, что это не магия: легкий ветерок коснулся ее щеки за миг до того. Гость скрылся через окно, точно так же, как проник в комнату. Он не был магом. Он был искусным сумеречным воином.

И у него был голос Айнара.

Мидж выпуталась из цепей и, перескочив через трупы, помчалась вон из комнаты, вниз по лестнице – в поисках Грейсона.

Он оказался на первом этаже. Израненный, залитый кровью, прикованный к стене, но уже почти свободный: закусив кончик языка, в замке его кандалов копошилась Геселин. У двери ничком лежал воин в кольчуге – очевидно, сержант, заботам которого поручили Грейсона. Неподалеку валялась издохшей змеей плетка, и на досках пола отпечатался кровавый двойник орудия пытки.

– Грейсон! Геселин?!

Мидж плотно сжала губы, чтобы подбородок не дрожал.

– О, я брызнула на стражника сонным зельем, – сказала Геселин. – Он не очнется еще часа четыре. А больше никого в доме я, кажется, не заметила. То ли кто-то отправился за подкреплением, то ли эти дураки были уверены, что справятся с вами втроем...

Мидж не слушала, и аристократка нахмурилась, раздосадованная непривычным ей пренебрежением. Экзорцистка подбежала к своему телохранителю, выхватила у Геселин ключ из рук, принялась судорожно крутить его в замках кандалов. И вот когда оковы спали, Мидж бросилась к нему на шею, ощупала лицо, задержала руку над рассеченным виском.

– Грейсон, Грейсон! О, святое древо, что они с тобой сделали! Тебе больно? Нужно обработать, чтобы не осталось шрама...

Грейсон рассмеялся, запрокидывая голову назад, и рука Мидж таким образом оказалась далеко от раны. Девушка смутилась и отшагнула от Грейсона. Ей вдруг стало стыдно за проявленное беспокойство.

– Я и так весь в шрамах, птичка, что мне еще один?

– Что ж, это верно подмечено.

Мидж тряхнула волосами, прогоняя последние капли жалости к телохранителю, засевшие у нее в голове. И принялась рассказывать им с Геселин о том, как ее спас загадочный мужчина в черном. Но договорили они уже на ходу: Грейсон обыскал трупы наверху и спящего сержанта, взяв в качестве, как он сказал, компенсации, деньги и оружие, а после все втроем покинули пыточную. Когда мужчина развернулся, поднимаясь по лестнице, Мидж увидела, что спина его жестоко исхлестана, и чуть не охнула от ужаса, но жалость истаяла, стоило ей подумать, что ее сострадание напарнику не нужно. Стыд, что накатывал на девушку, когда она проявляла чувства, которые не были нужны адресату, глушил любые чувства, даже самые сильные.

Уже на свежем воздухе, насколько это словосочетание применимо к городу Межевых земель, Мидж обернулась, запоминая и дом, и улицу. Не знай она, что только что побывала в плену у жестоких уризениан, никогда бы не подумала, что ветхий домик с облупленными стенами чем-то отличается от своих соседей, таких же побитых жизнью строений.

Как там сказали ее мучители? Лорд, правящий городом, ненавидит айниан? Что ж, легко в это верилось: разрушенное святилище и ловушка, в которую должны были попасться те, кто рискнет отправлять запретный культ. Что же делать? Что она, хрупкая девушка, пусть и четвертьцу, может в такой ситуации?..

– Мидж.

Экзорцистка обернулась на голос Геселин. Аристократка тоже о чем-то думала, пока они шли по улице. Но не об уризенианах.

– Хочу дать тебе бесплатный совет. Это насчет Грейсона. Смотри, не влюбись в него. Вы как огонь и вода – один постоянно будет тушить другого, пока сам страдает от иссушения.

Даже не думала, мысленно отмахнулась Мидж, ничего не ответив. Она чувствовала себя хватающейся за тонкий лед: чем больше она прикладывала усилий, тем глубже уходила на дно. И, быть может, тянула остальных за собой.

Она должна пойти в «Оседланного оленя», иначе и быть не может. Но – одна.

Несмотря на то, что Грейсон спас ей жизнь практически сразу же после знакомства, а Геселин не пожалела денег на то, чтобы сделать их путешествие комфортабельным, Мидж уже раскаивалась, что взяла с собой в путешествие напарников. Стоило ей услышать любимый голос, и вся ненависть, копившаяся в ней годами, истаяла. А значит, рассудила Мидж, ее и не существовало никогда. Это был – снова – обман чувств, но не больше. Такое уже случалось с между нею и Айнаром, почему бы этому не повториться еще и еще?

Она уже была уверена, что сама искала Айнара потому, что любила его, она попросила бы его снять проклятие – но и только. А Геселин... Мидж так и представляла, как лже-аристократка с визгом вцепляется ногтями в прекрасное бледное лицо Айнара. И Грейсон не остался бы в стороне, добив мага – ведь таково желание Геселин, а она в сложившейся ситуации, пожалуй, могла приказывать Песчаному Тигру. Мидж не была уверена на сто процентов, что между ее спутниками столь сильная связь, но не исключала худшего варианта. Грейсон теперь знает ее слабое место. Воспользуется ли он им?

Как оказалось – да. Не погнушается.

Мидж обработала раны Грейсона и оставила его отдыхать на конюшне. В нормальные, человеческие помещения он упорно не шел. То ли кровь линормов, игравшая в его жилах, восставала против этого, то ли Грейсон всего лишь потакал причуде, старой привычке. Мидж не спрашивала. Геселин была права – чем больше они знают друг о друге, тем больше привязываются. Она уже допустила одну такую ошибку – теперь из груди, из сердца, из разума вряд ли получилось бы изгнать жалость и сострадание к лже-аристократке. Грейсону она уже была обязана своим спасением. Это пугало. Привязываться – плохо, любить кого-то – еще хуже. Мидж уже на своем опыте знала это.

Геселин, судя по ее рассказу, тоже это знала, но при том – тянулась к обоим спутникам. Грейсон же... что ж, на его счет Мидж не могла утверждать с уверенностью.

Но он за ней следил – это точно.

Мидж удалось ускользнуть от Геселин (лже-принцесса жаловалась, что разволновалась, и легла в постель, накапав себе успокоительного в ананасную воду), но у дверей, несясь на всех парусах, экзорцистка стукнулась лбом о широкую грудь Грейсона, перетянутую бинтами.

– Зачем ты встал?

Лучшая защита – это нападение, как знала Мидж. К тому же, Грейсону действительно лучше было бы поспать, чтобы раны затянулись.

– Провожу тебя. Куда ты?

Мидж вздохнула. Полулинорм занимал весь дверной проем. Если бы девушка не рассказала, куда ей нужно идти, он бы ее не пропустил.

Мидж ждала, что Грейсон будет препятствовать ее встрече с Айнаром – предполагаемым Айнаром, стоило сделать оговорку, – но все вышло иначе. Полулинорм взял руки девушки в свои и опустил перед нею на корточки, так что Мидж оказалась в непривычной для себя позиции: глядя на мужчину сверху вниз.

– Вот как мы поступим. Я понимаю, что ты рвешься увидеть своего возлюбленного сегодня же, но... мы не готовы. Иди отдыхать, пожалуйста, ты настрадалась за день. И Геселин тоже. А ведь мы все трое – мы в связке. Ты была добра, когда перевязывала мне раны, но сейчас пытаешься вести себя, как эгоистка. Айнар нужен нам всем троим. Дай нам день отдыха, и завтра мы все вместе отправимся в таверну «Оседланный олень». Ты согласна с тем, что я предлагаю?

Мидж не могла двинуться, не могла отступить: Грейсон держал ее ладони в своих нежно, но так, что вырваться она не могла. Он весь был словно каменный.

– Я клянусь, что мы и пальцем его не тронем – беру на себя ответственность за Геселин тоже. Если ты не прикажешь мне размазать его по стенке.

Мидж чувствовала себя маленькой девочкой, которую папа уговаривает не капризничать.

– Ладно, будь по-твоему.

Лишь бы он просто перестал греть ее руки в раковине своих грубых ладоней. Девушку раздражало исходившее от Грейсона тепло – на несколько градусов выше, чем у чистокровного человека.

Ночью же она видела в окно, что Тигр не спит: он скакал по двору, размахивая мечом, и луна пускала тусклые зайчики от лезвия. Видела Мидж и то, что Грейсон в остервенении сорвал с себя бинты посреди тренировки, бросил их на землю. Когда он, наконец, утомился, согнулся, уставший, черная спина его блестела, и Мидж с волнением задалась вопросом: от крови или пота?

Глава 10

Мирно живут только те, кому не за что драться.
Ты стал слишком взрослым, ты понял, что это война.
Кошка Сашка – «На моей стороне»

Сон не пошел Мидж на пользу. Половину ночи девушка то металась в постели, то, вставая, принималась бродить по комнате, шагая из угла в угол. Днем у нее не было возможности поразмыслить над тем, что случилось с ней: занимали насущные заботы, уход за ранами Грейсона и мечты о предстоящей встрече с Айнаром. Мидж пришла к мысли, что в отсрочке их свидания нет ничего дурного: она успеет подготовиться, чтобы выглядеть как следует. Девушка приняла ванну и заплела волосы в замысловатые косы, которые всегда казались Айнару привлекательными. Мидж все прекрасно знала о своей внешности: она ровно того уровня симпатичности, когда при первом взгляде нельзя решить, красотка пред тобой или уродина. Вроде бы, милое, привлекательное лицо, но с какой-то неуловимой чертой, которая смущает. То ли слишком близко посаженные глаза, то ли на носу едва заметная горбинка, то ли не такие скулы... Когда-то, благословением юности, она была хороша – цветущим румянцем на щеках, отсутствием даже крохотных морщинок. Теперь, с трудом возвращаясь из состояния изможденности, Мидж уже не находила в своем отражении того очарования, что было прежде. Под глазами залегли тени, лоб от виска до виска прочертила полоса хмурости, руки превратились в тонкие веточки. Хорошее питание делало свое дело – за неполный месяц, прошедший с того момента, как Мидж начала путешествовать вместе с Грейсоном, грудь ее налилась прежней упругостью, на руках и ногах обозначились мышцы, пусть пока только как слабое воспоминание о прежней мощи, округлились и запунцовели щеки, скрывая угловатое строение лица. Мидж не была так же притягательна, как ее мать или бабка, не могла даже сравниться с собою же, восемнадцатилетней, а теперь рядом с ней была идеальная красавица Геселин – и Мидж едва удерживалась, чтобы не разбить зеркало, думая, что недостаточно хороша, чтобы предстать перед Айнаром.

Видит Айне, она все еще его любила.

Мысли о встрече в таверне «Оседланный олень» занимали экзорцистку до самой темноты. Но вид тренирующегося под окном Грейсона переменил течение размышлений Мидж. Невольно ей вспомнились события дня, и девушку прошиб озноб. На нее не раз нападали в пути, даже избивали, пытались отнять деньги, но достаточно было дать понять, что она – экзорцистка, и ее отпускали. Мидж считала подобные случаи досадными ошибками, однако она не чувствовала, что рядом ходит смерть – прежде никогда. Даже в тот раз, когда Грейсон спас ее после экзорцизма в городе, где они познакомились: все произошло так быстро, и Мидж тотчас забыла о том случае, как только поняла, что все обошлось. Понимали ли они, что она – не просто путешественница-полукровка? Вряд ли. Они вовсе не казались такими уж сообразительными. Эти же рыцари... они не только не уважали экзорцистов, они намеренно отлавливали их, уничтожали. Они ненавидели айниан.

Мидж сидела на постели, не замечая ночного холода, хоть тело ее реагировало на прохладу неистойвой дрожью. Мидж казалось, что ее трясет исключительно от переживаний. Эти уризениане... Они ненавидели ее. Само ее существо. Они называли ее животным – и это напугало Мидж куда больше, чем угроза бесчестья или смерти. Потому что это было внове.

Вот какая была разница между разбойниками и рыцарями-уризенианами. Первые жаждали денег или женской плоти, если их выбор падал на тебя – что ж, так решила Айфе, не взыщи. А рыцари... о, они не были рукой слепой судьбы, они искали, подлавливали своих врагов. Они намеревались уничтожить всех, кто не разделяет правила их узколобых жрецов. Вот в чем была пугающая разница. Разбойник, словно россомаха, выслеживает свою жертву,

сидя в засаде, наносит молниеносный удар... Но если он не удастся, если жертва ускользает, разбойник возвращается на свой пост, моля Айфе послать ему более слабую добычу. Рыцарь-уризенианин же готов преследовать, загонять айнианца, как волк, и ни золото, ни мольбы – ничто не остановит его, пока цель не будет так или иначе уничтожена: либо предана смерти, либо сломана морально.

«Отчего они не дают нам жить, просто существовать отдельно от них? – Мидж зарылась лбом в покрывающее согнутые колени верблюжье одеяло. – Большинство святилищ Древа стоят на окраинах города, наши жрецы никого не зазывают внутрь, не говоря уже про то, что мы не совершаем мисонерских паломничеств в другие города – все святилища в Межевых землях отстроены айнианцами на месте древних Дерев, которым поклонялись еще до становления уризенианства как официальной религии!»

Но еще больше, чем отчаяние, Мидж мучил страх.

Она скиталась по Межевым землям не первый год, она тепела лишения и дурное обращение, но была глупа и беспечна. Она отрицала очевидное – пока оно не наступило ей на пятки, не ударило в лицо в буквальном смысле. Айфе, паучиха Мира, угнездившаяся в корнях Древа, плела нить судеб каждого человека на земле – стоило ли удивляться, что жизненный путь был нелегок? И Мидж о том позабыла. В те дни, когда судьба ее обкрадывала, девушка кипела негодованием до вечера, а после забывала. Но теперь так легко отнестись к ситуации не получалось. В других ситуациях Мидж успокаивалась, обругав себя: ты была беспечна, ты пострадала из-за собственной глупости. Но эти рыцари... они схватили их с Грейсоном ни за что. Они ненавидели их за саму их сущность и веру, что для Мидж было одно и то же. А еще больше девушку напугало осознание, что наняв Грейсона, она не приобрела полной безоговорочной защиты: он был уязвим к магии, как и все прочие. Даже физически могучий, способный тычком локтя пробить стену, он оказался в плену, жалкий, беспомощный, избитый, повисший в сплетении лоз зачарованных пут.

«Спи, – одернула себя Мидж. – Подумай об Айнаре и спи.»

Но она не могла сомкнуть глаз: она не просто мучилась бессонницей. Она впервые по-настоящему открыла глаза и действительно проснулась, сбросив с себя опасные иллюзии.

И, как следствие, ее догнали еще и другие воспоминания – о тех случаях, когда она видела, как страдают анинане, айнианки от рыцарей-ищеек уризениан. Она ведь и прежде видела несправедливости – просто отрицала, ограждая разум от переживаний.

«Просто мне и так было слишком тяжело, – подумала Мидж, и тотчас себя оборвала. – Нет. Ты просто трусиха.»

Сердце заныло, но эта боль изгнала все мысли из головы. Так, страдая от стыда, Мидж заснула.

В «Оседланного оленя» они отправились все троим – и Грейсон, и Мидж, и Геселин. Решили, что Мидж сделает вид, будто бы она одна, на случай, если Айнар может быть против ее спутников. Возможно, он даже не подозревал об их существовании.

Решили, что Грейсон войдет первым, через несколько минут – Мидж, как наживка. После же пойдет Геселин, прикрыв лицо вуалью.

Внутри «...оленя» пахло прогорклым жиром и перегаром – от посетителей. В углу брехала лишайная собака. Половина свечей на дешевой люстре не горела, и оттого все – липкие столы, стулья, пьянчужки и картежники, стены и прочее, – казалось исключительно желтого цвета.

Когда Мидж вступила в таверну, сердце ее забило в горле. Из-за недосыпа она все утро чувствовала себя вялой, но теперь в крови забурился адреналин, заставляя плечи девушки вздрагивать. Вот, сейчас она увидит Айнара: мужчину, которого она любит, с которым они плохо расстались, который дал ей самый благой дар, являющийся по совместительству прокля-

тием, отнял возможность защитить себя, и спас сутки назад. Противоречивая картина вырисовывалась, если произнести все это сходу – и Мидж заметила это, мысленно прокрутив все основные вехи их с Айнаром истории.

Она все еще ощущала себя недостаточно красивой для встречи с ним, и пониже натянула на лицо капюшон, забывая, что он видел ее прошлым днем, избитую, связанную и мокрую.

Мидж села за свободный столик в углу. Айнар должен был узнать ее по маске птицы, привязанной к бедру, и спускающимся на грудь рыжим косам. Грейсон небрежно подпирал плечом колонну недалеко от нее. Геселин еще не вошла. А Айнара... не было видно.

Неужто они опоздали? Он не стал их ждать?

И тут, обескураженно озираясь, Мидж встретила глазами с тем, кого искала. Айнар стоял к ней спиной, а теперь обернулся. Он также был в темном потрепанном плаще, как и она, с маской птицы, привязанной к ремню. Сердце запрыгало в груди у девушки, ей вдруг стало жарко и неудобно. Нет, она ошиблась, им с Айнаром не стоило видеться! Мидж попыталась спрятать глаза под капюшоном, натягивая его до самого носа. Но мужчина уже заметил ее и подсел.

– Я боялся, что Вы не придете, леди.

Он выглядел не менее напряженным, чем она. Белые руки на столе нервно сплетали пальцы то так, то иначе. И при том девушка не сомневалась, что в любой момент он вынет остро отточенный крохотный металлический диск, что прошьет ее шею насквозь, а никто из посетителей «Оседланного оленя» этого даже не заметит.

– Я знаю, кто ты, – шепотом выдавила из себя Мидж. – Айнар...

Мужчина напрягся, готовый ринуться вперед, но не успел: все произошло быстрее, чем за секунду.

На стол перед ним, выламывая щепки, опустился кулак Грейсона. Точь-в-точь, как в их первую встречу с Мидж, когда она сломала карточный стол.

– Только попробуй тронуть ее, – прогрохотал Тигр.

Мужчина осторожно поднял руки, чтобы телохранитель не подумал, что он собирается атаковать, и снял с головы капюшон. Мидж мгновенно расслабилась, откинулась на спинку стула. Но была в этом облегчении и доля разочарования.

– Ты же видел, что у нее есть защитник, зачем же сунулся, маг?

– Он не маг, – сказала Мидж. Грейсон обернулся и пораженно уставился на нее.

Мужчина по ту сторону стола кивнул.

– Это не Айнар.

Даже близнецы, вырастая, становятся отличны друг от друга. Незнакомец в плаще походил на Айнара, это правда, но Мидж хватило одного взгляда, чтобы понять – это не ее возлюбленный. Знакомый раскосый разрез глаз, но все же иной. Волосы темные, почти черные, уложенные в замысловатую прическу мелуккадской аристократии, иная линия подбородка, скраденная щетиной. У Айнара, светловолосого, ни усов, ни бороды как следует никогда не было видно, пока они не отрастали на целый фут, и он их брил. Да, сумеречный воин походил на любимого Мидж, но не как две капли воды – как два листа с одной ветки. Похожесть иллюзорная, для неискущенного взгляда. Грейсон и Геселин обманулись, но Мидж – нет.

– Вы правы. Я его брат, – в голосе мужчины не слышалось и тени приветливости, глаза на миг прищурились в неудовольствии. – И я не маг – я сумеречный воин, как принято говорить в Мелуккаде. Можете называть меня Джорди.

– Мидж, – девушка склонила голову.

– Грейсон по прозвищу Серый Песчаный Тигр, гроза прерий.

– Наслышан. – Джорди перевел взгляд с собеседницы на ее спутника и обратно. – И больше о Вас, мсье.

К столу подошла Геселин. Несмотря на то, что несколько ночей назад она признавалась Мидж, что устала от своей красоты и больше не видит в ней смысла, сейчас лже-принцесса намеренно двигалась чарующе, рассчитывая поразить Джорди. Или Айнара, как она думала. Вуаль она откинула со лба с грацией танцовщицы.

Джорди даже не повернул головы, отметив приближение девушки только краем глаза.

– Тут частный разговор, миледи.

– Она с нами, – сказала Мидж.

Геселин быстро осознала, что ошиблась: перед нею не Айнара. Вся приторность с ее лица стекла, как дождевая вода, соблазнительная походка на последних шагах исчезла – к самому столу девушка подошла уже не покачивая бедрами.

– Я надеялся, что вы мне скажете, где мой брат, – Джорди вздохнул, потирая бровь. Акцент у него был едва заметный и только при произнесении некоторых слов. Мидж подумала, что братья отличаются даже по характеру. Айнара вытравила из себя все мелуккадское, ненавидя родину: одевался по-бралентийский, а еще чаще – по-эльзильски, носил атепатийский напудренный парик и жемчужную серьгу по сааэшейской моде. Джорди же всячески подчеркивал свою национальность. Он оставил неудобную прическу мелуккадской аристократии: длинные волосы, подобранные и перетянутые лентой. Под плащом Мидж видела сияние шелковой ткани с расшитыми золотыми нитями павлинами.

– Мы сами бы хотели это знать, – сказала Геселин. – Все трое, мы ищем его.

Джорди при этих словах взглянул на Мидж. Непонятно, что он увидел в ней такого, чем не отличались двое ее спутников. Ее особенное отношение к Айнару?

– Что ж. Очень жаль. В таком случае, наши пути на этом расходятся.

Джорди начал подниматься, и тут Мидж, сама от себя не ожидая, вскочила, хлопнула руками по и без того испорченному столу.

– Нет!

Джорди замер, глядя на девушку с ироничным непониманием в глазах. Мидж почувствовала, что краснеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.